

Семейные связи неисповедимы

Я видел смерть, она в молчанье села

У мирного порогу моего...

/ А.С. Пушкин /

Она сидела на краю ванны и внимательно наблюдала за тем, как ванна наполняется водой. Так залюбовалась совершенно обычным действием, что едва не порезалась лезвием, которое с опаской держала двумя пальчиками. Кокетливо так держала. Отвлеклась, опустила руку с лезвием на голую ногу и вскрикнула от боли. Тут же расхотелось резать себе вены.

Расхотелось, а надо.

Вернется домой злодей Леонтий, с порога окликнет ее, забеспокоится. А как не забеспокоится, если она привычно не отзовется. Не выбежит ему навстречу, не повиснет на шее, не скажет, как скучала, как ждала. О любви промолчит – разбрасываться признаниями не в ее правилах, еще подумает, что взамен любви она что-то выпрашивает. Или что-то сотворила и заранее задабривает. Но он давно понял, что она его безумно любит. Надеется, что он догадался. И стал чужим, потому что добился своего, теперь она – прочитанная страница, преодоленная вершина, нужно читать новые книги, покорять другие вершины.

Если бы муж признался в любви, она бы робко сказала: «Я тоже тебя люблю». Но он молчит, выказывая безразличие. Что она каждый вечер слышит в ответ на свои «скучала, ждала»? Устал! Отстань! Я голоден! Что у нас на ужин?

Ей всё безумно надоело!

Одной ходить никуда нельзя. Вместе с ним почти никуда не ходят – устал! Сиди в четырех стенах и жди. Разве об этом она мечтала? Она, победительница конкурса «Краса Волохнянки». И пусть «Волохнянка» - не супер-пупер город, так, небольшой населенный пункт с двумя сотнями жителей, но победила. Умыкнула победу на конкурсе у Светки

Твердохлебовой. А Светка сводила с ума всех мужиков от пятнадцати до семидесяти. Старше семидесяти только дед Прохор, который сам точно не знает, сколько ему годков. Дед почти ослеп, потому не может оценить красоту ни Светки Твердохлебовой, ни ее, Маргариты Стельмах. Светка думала, что победа у нее в кармане, готовилась ехать на районный конкурс красоты и пролетела, как фанера над Парижем. Кто бы мог подумать, что в поселок городского типа «Волохнянка» нагрянет к своей бабушке Леонтий Шмаков. Марго его увидела и съехала с катушек. И как не съехать, если он красив, умен, богат. И что самое ценное – холост. Съехать-то съехала, но настоящая любовь пришла позже. Поначалу подкупил его интерес к ее персоне – обычной будто бы девушке, но не глупышке и весьма хорошей собой. Одни глаза чего стоят - не глаза, а омут. Вот он в этом омуте и утонул. Волосы просто загляденье – длинные, густые, насыщенного каштанового оттенка. Еще некоторые имеют наглость утверждать, что блондинки стоят у мужчин на первом месте. Если это так, то почему Леонтий Шмаков не зацепился взглядом за Светку Твердохлебову – прирожденную блондинку с голубыми глазами? Потому что сердце екнуло при виде другой девушки, осталось равнодушным к Светкиным чарам. Конечно, красота – страшная сила, сила притяжения взглядов, чувств, желаний, но причина притяжения покрыта тайной за семью печатями.

На конкурс красоты Шмакова привел Матвей Кукунников, нынешний глава администрации «Волохнянки». С Матвеем Леонтий был на дружеской ноге: в далекие годы он все лето гостил у бабушки, гонял с Матвеем мяч, обчищал соседские сады и пугал по ночам влюбленные парочки, нарядившись приведением.

В последнее время Леонтий был редким гостем у бабушки. Но бедовая старушка неожиданно занемогла, внук примчался по её первому зову.

Фекла Ивановна была не только бедовой, острой на язык, но и хитрющей-прехитрющей. Прикинулась больной, чтобы внука к себе затянуть. Кроме внука у Феклы никого из родных не осталось. Единственная дочь, мать Леонтия, умерла, когда сын только-только окончил школу. Отец долго не тужил, через два месяца женился и переехал к новой жене. Но сыну материально помогал, часто навещал. Узнав о женитьбе зятя, Фекла Ивановна позвонила ему и пригрозила:

- Чтобы твоей ноги в моем доме не было!

Бывший зять не собирался ни ступить ногой в избу бывшей тещи, ни касаться рукой, ни лобызаться, ни выслушивать угрозы. Поэтому бросил трубку и мысленно обозвал ее «старой деревенской дурой». Что и повторил вслух своей новой супруге, а та некстати вспомнила, когда ее познакомили с избранницей пасынка, жительницей известного поселка городского типа. То ли унижить хотела избранницу, то ли была небольшого ума. Маргарита и без того чувствовала себя не в своей тарелке, впервые оказавшись в шумном городе благодаря проискам бабушки Феклы, а тут тебя принимают так «гостеприимно». И за старушку обидно: никто ее не считал старой деревенской дурой. Возраст почтенный, это да, не городская, что ж такого, кто-то должен жить на земле, но не дура! Вот добилась-таки своего старушка – внук бросил все дела и примчался её спасать.

Фекла Ивановна наотрез отказалась уезжать из поселка, чтобы получить квалифицированную медицинскую помощь, заявила, что приезд внука для нее лучшее лекарство. Но встать с постели не спешила, чтобы внук не раскусил ее и не рассердился. Уставшая валяться в кровати трудолюбивая бабушка искала повод, чтобы выпроводить внука из хаты. Пока искала, он сам увидел в окно друга детства и вышел с ним поздороваться. Вскоре они вернулись вдвоем. Матвей очень удивился внезапной болезни бабушки Феклы, начал ей пенять: дескать, почему не сказала, разве он бы остался в стороне. Старушка сообщила, что ей уже гораздо лучше, исподтишка подмигнула заботливому главе администрации и предложила мальчишам, чей возраст давно перевалил на четвертый десяток, прогуляться, пока она накрывает на стол. Надо признать, что «тяжелобольная» бабушка, несмотря на немощь, наготовила яств, но выдерживала паузу – не вскочила пулей с кровати при появлении дорогого гостя, и не начала выставлять на стол деревенские деликатесы. Именно постельный режим, страдальческий голос, пустой стол убедили внука в болезни хозяйки дома. Хотя, он предполагал, что вызов это все лишь ее уловка.

Матвей Кукунников потянул друга в Дом культуры, где должно состояться «важное мероприятие». Друг заупрямился – бабушка больна. Но бабушка уже шустро металась по дому. Под его взглядом тотчас превратилась в сгорбленную развалину, с трудом перемещающую ногами. С трудом, но не

так, чтобы безнадежно. Сейчас разойдется, разомнет суставы, забудется, и займется привычными домашними делами. К их возвращению стол будет накрыт.

Без особого желания Леонтий Шмаков отправился с Матвеем в Дом культуры, где через полчаса начинался конкурс «Краса Волохнянки». Гость сам не понял, как согласился возглавить жюри конкурса. Остальные члены жюри в количестве четырех самых уважаемых людей поселка заранее знали, кому отдадут корону победительницы – Светлане Твердохлебовой, дочери фермера Игната Твердохлебова, основного спонсора всех поселковых мероприятий. И не только мероприятий. Игнат был мужиком дерзким и злопамятным. Никто не хотел вступать с ним в конфликт.

Одному Шмакову не было дела до главного спонсора и его дочери с кривыми зубами, которая умела глупость постоянно скалиться, как лошадь на базаре. Но на общем фоне конкурсанток Светлана все же выглядела выигрышно. До тех пор, пока на сцене не появилась длинноногая красавица Маргарита Стельмах. Она не смотрела цинично и устало на зрителей и членов жюри, как это делала ее конкурентка Светлана, но не была зажатой, знала себе цену, но не переоценивала. У Леонтия, закоренелого холостяка, который боялся заводить долгоиграющие отношения с женщинами, снесло крышу. Никто из членов жюри не посмел с ним спорить, и Маргарита стала победительницей конкурса. Леонтий лично ее награждал и чувственно поцеловал прямо в губы. Девушка слегка очумела от его напористости и позабыла отпрянуть. В зале понимающе зашептались. Но впервые чужое мнение Марго не тронуло.

Они улизнули с банкета и отправились бродить по поселку. Леонтий был приятно удивлен, что к красивой внешности прилагаются мозги. Оказывается, родители девушки преподают в местной школе. Отец – историю, мать – русский язык и литературу. Семья Стельмах проживала в добротном доме, до которого Леонтий проводил победительницу конкурса.

Рита вежливо пригласила Шмакова в гости, в тайне надеясь на его отказ. Не потому что не желала продолжения знакомства, а сетовала на убогое убранство их жилища – тяжелое, деревенское, пусть и с наличием примитивной бытовой техники. Но Шмаков сразу согласился.

С родителями Маргариты нежданный гость был разговорчив, не смотрел свысока, с удовольствием выпил чаю из праздничного сервиза, хвалил пироги, после чего поделился своими ближайшими планами. Родители Риты не сразу поняли, чего от них хотят, слушали гостя и переглядывались. Когда до них дошло, мать вытерла слезы, неожиданно подступившие к глазам, а отец задумчиво протянул:

- Вы шутите?

Гость заверил, что не шутит, полюбил их дочь с первого взгляда и не мыслит без нее дальнейшей жизни.

О внуке Феклы Ивановны знали все жители поселка - она всем уши прожужжала! Богатый, серьезный. Главное – без вредных привычек. В их поселке мужчина без вредных привычек – все равно, что комбайнер без комбайна. О том, что внук холост, тоже всем было доложено. Родители невест на выданье мечтали о такой партии для своих дочерей.

Семья Стельмах перебралась в «Волохнянку» десять лет назад, когда дочь окончила начальную школу в небольшом городке Читинской области. Ребенок начал прихварывать, доктора посоветовали сменить климат. О «Волохнянке» узнали случайно, в этом поселке учителям предоставлялось бесплатное жилье.

За все десять лет, которые здесь прожила семья Стельмах, Леонтий появлялся у бабушки всего несколько раз. Его визит остался для всех жителей незамеченным: внук приезжал проведать близкую родственницу, а не залихватски гулять по поселку с криками и фейерверками...

Мать повернулась к притихшей дочери, с глубоким пристрастием изучающую цветы на скатерти, и спросила:

- Рита, ты почему молчишь?

- Вопрос был адресован к вам, - резонно заметила девушка.

- Но ты-то согласна?

Маргарита оторвала взгляд от скатертных узоров, причем с такой неохотой, будто изучение росписи было делом всей ее жизни, и монотонным голосом произнесла.

- Мама, ты первая, кто меня об этом спросил. Наверное, Леонтий решил, что я не смогу ему отказать. – Под монотонностью ей удалось спрятать не только ликование, но и недовольство – не так она себе представляла предложение руки и сердца.

Шмаков засуетился, сбивчиво стал уговаривать выйти за него замуж, обещать в скором будущем вручить колечко в бархатной коробочке, сыграть шикарную свадьбу... Говорил о еще каких-то мало значащих эпизодах, которые можно легко исключить из главного действия.

Стельмах заметили, что мужчина влюблен, как следствие – взволнован, чрезмерно разговорчив и суетлив. Разговорчивость пустопорожняя: говорит будто бы по делу, но не способен подобрать нужных слов – на первое место выставляет всякую ерунду, о главном сказать забыл. Поначалу признался в любви с первого взгляда, вскользь, и всё.

- Леонтий! – твердым тоном обратился к гостю отец Марго, - устав от ненужного потока слов. Обращение сыграло роль тормоза, гость прервал свою сбивчивую речь на полуслове. Но хозяина хватило только на обращение, под взглядом новоявленного жениха он стушевался и обратил взор на жену. Та внимательно изучала жениха, особое внимание привлекли его глубокие залысины. Чтобы их получше рассмотреть, чрезмерно выпрямила спину, сидя на неудобном стуле, и охнула – поясница была ее больным местом.

- Простите, я очень волнуюсь, - признался Шмаков, когда не дождался продолжения речи потенциального тестя. И «ох» потенциальной тещи принял за глубокое разочарование.

- У меня такое чувство, словно я участвую в самодеятельном театре, в дешевом водевиле, - в конце концов, не сдержалась мать, исподтишка потирая ладонью поясницу. – Все ЭТО выглядит искусственным, а вы, Леонтий, уж простите за откровенность, - бездарным актером, который возомнил себя звездой сцены.

- Мне очень жаль, что я не смог вас убедить в своей искренности. Это от волнения. Со мной ничего подобного ранее не происходило.

- Что ты, мать, в самом деле, прицепилась к человеку! - возмутился хозяин. – Не видишь – человек волнуется. Первый раз с ним... такое. - Он повернулся к Шмакову и голосом любопытного ведущего разных ток-шоу, у которого нет закрытых тем, спросил, - вы, правда, никогда не состояли в браке? - И тоже изучил глубокие залысины гостя, которые давали представление о его немолодом возрасте и намекали, что гость искусно лжет.

- Ни-ког-да! - азартно выдал мужчина, будто его спросили о школьных шалостях и неучтивости по отношению к педсоставу.

- Видишь, - удовлетворенно выдохнул отец семейства, довольствуясь ответом, который показался ему правдивым, - человек впервые просит руки у родителей невесты, а ты...водевиль.

- Но он не... двадцатилетний мальчик, чтобы так волноваться, - обронила мать Риты, не имея сил оторваться от залысин, будто они были чем-то необыкновенным, почти как шедевр известного живописца. Сама Рита в этот момент перешла на изучение полосатых носочков жениха. Обувь он учтиво снял при входе. Полосатые носочки вызывали у нее умиление, она не могла предположить, что это последний писк моды.

- Мне тридцать шесть лет, - упавшим голосом сообщил жених. – Я понимаю, что значительно старше Маргариты, но не глобально. Сейчас...

- Нас не волнуют чужие браки между сумасшедшими стариками и девочками, которые годятся им в правнучки, не то, что в дочери или внучки, - доложила свою позицию мать и сказала, - нашей Риточке всего двадцать один год.

- Не всего, - прошептала Риточка, но ее все услышали. - Я успела окончить школу, педучилище и работаю воспитательницей в детском саду.

- Прекрасно! – возликовал жених. – У моих детей, у наших детей, - поправился он, - будет мамочка с педагогическим образованием.

- Не высшим, - не удержалась от реплики мать, будто желала сбить цену своей дочери. Оказывается, намекала, что в ближайших планах у нее –

получение высшего образования. О чем не преминула с гордостью сообщить всем присутствующим, обведя их победным взглядом. Кроме гостя, все об этом знали. Знала и сама Рита, но особым желанием не горела. Мечтала выйти замуж за обеспеченного человека, жить припеваючи, естественно, нигде не работать. Мечта начала сбываться в день ее победы на конкурсе. Кто бы мог подумать, что она обойдет Светку Твердохлебову, ее полюбит внук бабы Феклы, о котором по поселку ходили легенды, и сразу сделает ей предложение. Но дорогая любимая мамочка способна переправить мечту дочери на другой адрес, к той же Светке. Почему, нет? Получивший отказ мужчина найдет утешение у девушки, занявшей второе место на конкурсе красоты.

Послушная дочь, никогда не перечившая матери, которая держала ее в ежовых рукавицах, набралась храбрости и заявила.

- Родители! Дорогие мои родители! Вы хотите счастья для собственной дочери?

- Хотим, конечно, но... ты еще все успеешь, и замуж выйти и детей нарожать, - ласковым голосом произнесла мать, удивив супруга. Еще недавно они разговаривали о будущем дочери, и он заявил, что отцы переживают бракосочетание дочери более болезненно, чем матери. В их случае произошло все наоборот, хотя, будущая теща всегда заверяла, что против положительного во всех отношениях зятя, который полюбит ее дочь, не будет ничего иметь против.

- Да-да, я помню – для начала надо получить высшее образование! Разве местные женихи могут взять в жены малообразованную жену!

- Рита, не дерзи, - осадил дочь отец, беспокойно поглядывая на своих женщин, вступивших в конфликт при чужом человеке.

- Леонтий, вы согласны жениться на такой девушке, как я?

- Я об этом толкую уже целый час! – в сердцах заявил он, на всякий случай взглянув на наручные часы. – И не вы должны спрашивать моего согласия, а я.

- Так спросите, - предложила Маргарита, будто целый час провела не в этой гостиной, а в другом месте.

- Маргарита, вы согласны стать моей женой?

– Леонтий, я согласна, - пролепетала она, потупив взор. Как и положено скромным девицам...

Наверное, мама сразу раскусила этого человека, - подумала Маргарита, перебирая в уме ТОТ день. Острое лезвие по-прежнему было в ее руке, порез на ноге кровоточил. Ванна почти наполнилась водой. Она закрыла кран.

- У меня есть три выхода, - стараясь избавиться от дрожи в голосе, проговорила она. Протянула свободную руку к запотевшему зеркалу, чтобы посмотреть в него, но быстро отдернула руку – совсем не хотелось видеть свое пугающее отражение. Снова присела на край ванны и начала рассуждать. – Три выхода – это лучше, чем ни одного. Или всего один. Я могу с ним развестись, могу оставить всё, как есть, могу себя убить. В отместку ему за безразличие.... Представляю его физиономию! – Она закатилась истерическим смехом. – Вот бы Светка Твердохлебова повеселилась, узнав, как я «счастлива» в браке. Всего два года прошло с той знаменательной встречи, а я уже сыта по горло этим замужеством.

Истерический смех сменился судорожными рыданиями. Рита осторожно положила острое лезвие на раковину. Чтобы не порезаться. Вскочила, ладонью протерла зеркало.

- Это кто? Это я? Неплохо-о-о... Очень неплохо... И это краса «Волохнянки».

Она попыталась вновь переключиться на мужа.

- С чего я взяла, что у него вытянется физиономия?! Он будет только рад избавиться от такой ненужной ноши, как глупая жена, к которой он давно охладел. Любовь нечаянно нагрянула, так же нечаянно утекла... В сток ванны.

Ритка наклонилась, изучила пробку, заткнувшую сток ванны, и засюсюкала:

- Любовь, где ты? Где же ты, любовь?.. А была ли ты? Могу уверенно сказать, что не влюбилась в Леонтия с первого взгляда. Любовь пришла позже. Если бы не любила, то сбежала от него со спокойной душой и забыла. Вернулась бы в свою «Волохнянку», к родителям, в свой детский сад... В двадцать три можно начать жизнь заново. Жить и радоваться... Жить и мучиться вопросами: как он, с кем он, каково ему без меня?.. А мне без него? Не могу представить, каково мне будет без Леонтия. И не хочу представлять, уж лучше... покончить со всем этим раз и навсегда. – Девушка с неприязнью взглянула на лезвие. – Оказывается, не всё так легко и просто. Или надо делать это быстро, или не делать вовсе. Размышления вправляют мозги, «психиатрическая клиника» уходит. Превращать суицид в доказательство чужой неправоты – это смешно. Ладно бы я была в подростковом возрасте, тогда можно было понять – сама часто обижалась на требовательную мать, ревела и представляла, как умру, как родители будут рвать на себе волосы и вымаливать прощения. А я буду лежать в гробу и ликовать.

Марго представила себя в гробу. Рядом убитые горем родители и Леонтий. По суровому лицу мужа катятся слезы.

- Так тебе и надо! – выкрикнула она. – Будешь знать, как мною пренебрегать.

Умирать резко расхотелось.

- Ага, я умру, а он через два месяца женится, как его отец. Яблоко от яблони... - Злость на мужа передалась и свекру, к которому Рита относилась параллельно. – Старый хрыч! Хороший пример ты показываешь своему сыну. Наверное, у Шмаковых в крови изводить своих жен. А я не предоставлю вам такой возможности. Соберу вещи и вернусь к родителям... Порадую мамочку. Она найдет, что мне сказать. Я тебе говорила, я тебя предупреждала. Ну, говорила. Ну, предупреждала... Пусть высказывается себе на здоровье. Я с порога скажу, что буду поступать в институт. Мать сразу успокоится от такого неожиданного заявления. Пойду учиться, найду себе нового мужа. Получше предыдущего. Тоже мне, Данила Козловский! - возмутилась Рита, помянув Леонтия. Сжалилась над ним, более сдержанно признала, - Леня не писанный красавец, но и не урод. За урода я бы замуж не вышла, будь он миллиардером.

Бабка Фекла утверждала, что ее внук - богач, каких свет не видывал, но она сильно преувеличивала, чрезмерно завышала планку его доходов: своего бизнеса у Шмакова нет, гнет спину на чужого дядю. Пусть дядя хорошо ему платит, то за такую фанатичную преданность делу надо платить в два раза больше. Если не в четыре...

Трехкомнатная квартира, в которую молодой муж привел молодую жену, находится в престижном доме, в центре города. Как говорит мать Риты: «Дом – полная чаша». Но Рита постоянно чувствует себя временной жиличкой. Как будто пригласили здесь пожить из милости, погостить немного, но она загостилась, перебрала установленный лимит проживания. Как в гостинице. А хозяин – человек культурный, на дверь указать не может, но всем своим видом дает понять – девушка, а не надоели ли вам хозяева? Пора и честь знать...

Почему раньше не догадалась? Но он тоже хорош! Зачем мучить безразличием, обижать молчанием?

Не можешь сказать прямо, все объяснить по-человечески? Трус! Скорее, садист. Точно, садист! Но она сама догадалась, не дурочка. Довольно издевательств! Хватит! Она уходит без всяких отступных. Ей ничегошеньки от него не надо... Кроме любви... И не надейся, дорогой мой садист, легко от меня не отделаешься. Еще неизвестно, кто кого...

Есть три пути... Было три пути. Остался один, самый надежный – жена-самоубийца засядет в голове мужа на всю оставшуюся жизнь. Будет являться ему в кошмарах...

Маргарита решительно взяла в руки лезвие, хотела залезть в наполненную до краев ванну. Но для начала проверила рукой температуру воды. Вода в ванне успела остыть. Лезвие снова оказалось на полочке раковины, Рита спустила воду наполовину, после чего стала доливать в ванну горячей воды.

И опять сидела на краешке ванны с лезвием в руках и следила за наполнением. Представила себя лежащей в воде, окрашенной в красный цвет, и содрогнулась. Тотчас осознала - подобный варварский способ суицида ей не подходит. Она не собирается отказываться от своего плана, но ей духу не хватит перерезать себе вены. И совсем не хочется, чтобы в

квартиру нагрянули чужие люди, и увидели ее ТАКОЙ. Пусть этими чужими людьми будут полицейские, которые ко всему привыкшие, им совершенно нет дела до голой самоубийцы. Можно подумать, ей будет не все равно!

- Рита! Так и скажи, что у тебя кишка тонка! – осудила она саму себя. И сразу ответила, - да, тонка. Лучше найти другой способ... Например... Например... Можно выпрыгнуть из окна. Со второго этажа прыгать, только покалечиться. Останешься инвалидом на всю жизнь. Но если постараться и прыгнуть рыбкой... - Девушка представила свое тело, распластанное на земле, а вокруг разбитой головы растекается лужа крови. Ее едва не стошнило... - Не пойдет! Лучше выпить упаковку снотворного, лечь, уснуть и не проснуться. А Леонтий вернется домой, окликнет ее, проверит все комнаты и найдет бездыханное тело в спальне. Сначала он подумает, что она просто спит, захочет ее разбудит, коснется плеча, бездыханное тело перевернется на спину под действием чужого прикосновения, и глазам безжалостного супруга явится предсмертная записка... О записке я забыла... Сейчас напишу, потом пойду в аптеку, куплю снотворное – в доме отродясь такого лекарства не водилось, бессонницей мы с Леной не страдаем, выпью целую упаковку и лягу в кровать.

Эффектный, но бескровный уход из жизни захватил Маргариту Шмакову.

Без всяких ненужных обращений – итак ясно, кому адресована предсмертная записка, она быстро набрала текст на компьютере. Написала, что уходит из жизни по своей воле, но причина в человеке, с которым она живет под одной крышей. Перечитала, осталась довольна своей лаконичностью, распечатала текст на принтере, удалила из памяти, быстро оделась и отправилась в аптеку.

Выскочив из подъезда, она вспомнила, что в спешке забыла закрыть квартиру. Или закрыла? Автоматически провернула ключ и забыла? Возможно. Ничего не случится, на первом этаже сидит консьержка, мимо нее мышь не проскочит. Кажется, за стеклом Рита ее не видела. Консьержка каждый раз цепляется к ней с разговором, то погоду обсудить, но поведение жильцов. Особый интерес у нее к Тропинчикову Вячеславу Андреевичу, мужчине слегка за шестьдесят, вдовцу со стажем. За время «стажерства» пожилой, по словам консьержки, мужчина успел выдать замуж двух

дочерей за иностранных граждан, третья, незаконнорожденная, пока гуляет на воле, и начал вести совершенно разгульный образ жизни. Под разгулом подразумевалась постоянная смена женщин. Причем молодых женщин. Уточнение консьержка произносила с таким возмущением, что легко читалась ее обида – она, женщина пятидесяти двух лет, волею случая оказавшаяся «за стеклом», вполне себе ничего, подходит мужчине слегка за шестьдесят гораздо больше, чем некоторые молодайки, не способные оценить все его достоинства. Гуляка берет тайм-аут лишь тогда, когда в его доме появляется младшая дочь, рожденная вне брака. Она некоторое время гостит у отца, потом вновь возвращается к матери, а отец возвращается к разгульному образу жизни...

Рита хотела вернуться, чтобы проверит дверной замок, но подумала о плохой примете, лихо перебежала через проезжую часть в неположенном месте, и нырнула в аптеку. Как назло, работало одно окошко, возле него вытянулась очередь из любителей полечиться. У каждого в руках был список препаратов. Шмакова хотела уйти и купить снотворное в другой аптеке, но где вероятность, что там не будет любителей со списками. На улице март, человеческие организмы ловят любой вирус, надо с ним уметь бороться по-научному, не простыми житейскими способами.

Собственно, куда торопиться, - мысленно успокоила себя Марго. – До возвращения Леонтия еще целых четыре часа. Она все успеет.

Но на часы постоянно поглядывала, злилась на покупателей, требующих у продавца объяснений.

- Мне снотворное для бабушки. Совсем не спит старушка, - сокрушено призналась Шмакова, когда подошла ее очередь.

Опытная тетка пронзила ее рентгеновским взглядом, и начала перечислять названия препаратов.

– Бабушка не любит пить лекарство, поэтому мне нужно что-то сильное: одну таблетку выпил и этого будет достаточно – проспип бабуля до утра.

Ритка посчитала, что сильный препарат сработает без сбоев. Но боялась, что на такие таблетки у нее потребуют рецепт. Не потребовали, она заплатила целых триста восемьдесят рублей, прикупив еще таблетки от головной боли

– сама не знает, зачем попросила, и вылетела из аптеки, услышав за спиной: «Все бы внуки так о своих стариках заботились!»

Неподалеку маячил дпэсник, освистывая не только автолюбителей, но и пешеходов-нарушителей. Пришлось тащиться целый квартал, чтобы не попасть под горячую руку с полосатым жезлом.

Консьержки Веры Петровны опять не было на месте. Почему-то девушке взбрело в голову, что всезнающая особа добилась-таки своего, покинула пост ради Тропинчикова, пригласившего ее на огонек.

Рита впорхнула на свой второй этаж, толкнула незапертую дверь и напрямик отправилась на кухню, чтобы, недолго думая, выпить упаковку снотворного. Но замедлилась со своей затеей. Краем глаза она ухватила в прихожей что-то лишнее. То, чего не было, когда она покидала квартиру.

Вернулась в холл, и взгляд незамедлительно упал на записку. На ту самую предсмертную записку, которую она написала перед уходом и оставила в спальне. Теперь записка лежала на полу, возле двери ванной.

Рита подняла лист бумаги, перечитала, не заметила ничего нового и собралась зайти в спальню, чтобы положить на кровать собственное послание косвенному убийце. Именно, на кровати будет лежать ее бездыханное тело, когда этот убийца вернется. Попытается разбудить, потрясет за плечо... В общем, все по плану.

Зачем-то Риту потянуло в ванную. Сама не знает, что ее подтолкнуло. Возможно, хотела уничтожить следы неудавшейся затеи.

В наполненной ванне, которую девушка приготовила для себя, но забыла выдернуть пробку и выпустить воду, вольготно расположилась мачеха ее мужа, супруга отца. Как и предвидела Марго, при суициде путем перерезания вен, вода окрашивается в красный цвет.

Клара Артуровна свесила голову на грудь, будто пыталась рассмотреть в окрашенной воде свое тело. Последнее, что заметила Маргарита, была наличие на самоубийце одежды. Она была более разумной перед уходом из жизни. После чего хозяйка квартиры потеряла сознание...

Кто-то теребил ее за плечо, безуспешно, поэтому брызнул в лицо холодной водой. Рита дернулась и открыла глаза. Как в тумане ей виделась Вера Петровна. Она что-то говорила, пыталась поднять ее, но Ритка сопротивлялась, и удивлялась, почему ничего не слышит. Отчетливо слышались только молоточки, долбившие по голове. Молоточки усердно обстукивали голову, проверяя, есть ли что-то внутри. Внутри точно была пустыня. Все мозги Ритка растеряла за два года, которые прошли рядом с Леонтием. Иначе никогда бы не решилась лишиться себя жизни.

Родители не смогли бы пережить потерю единственной дочери. И Леня... Он любит ее. Любит по-своему. Как умеет. И очень ее дорожит. Не доверяет. Потому и не хочет, чтобы она устроилась на работу. Боится, что какой-нибудь балбес вскружит ей голову. Почему боится? Потому что не знает о ее любви! Она никогда ему не признавалась. Болтала со смешком, словно шутки шутила. Он не заводит разговор, она в отместку тоже молчит или говорит под аккомпанемент «ха-ха». И ребенка надо было давно родить, не откладывать на потом. Это еще один довод к ее несерьезному отношению к Лене... Вот же дура деревенская...

О чем она думает?! Конечно, для нее это очень важно, но Клара Артуровна умерла! Покончила жизнь самоубийством в их доме! Покоробил именно выбор места. Почему не у себя? Хотела отомстить пасынку за презрительное отношение? Здрате, опомнилась. Сколько лет прошло с момента их бракосочетания с его отцом? Без малого, двадцать. Или это запоздалые муки совести? Но Клара не уводила мужа от жены. Вдовец не выдержал положенный траур, это да. Муки совести и Клара Артуровна – понятия несовместимые. Жила по принципу – чтоб себе доставить радость, надо людям сделать гадость. По гадостям она была специалистом экстракласса. Одним колким словом могла ужалить очень болезненно. И ушла из жизни не по-людски, хотелось поставить жирную точку в отношениях, заставить почувствовать свою вину.

Молоточки перестали обстукивать голову.

- Как вы сюда попали? – спросила у Веры Петровны Маргарита. Спросила совсем не то, что нужно было спросить.

- Я спускалась вниз по лестнице, лифта не могла дожждаться, увидела, что у тебя дверь приоткрыта, зашла, а тут... вы. – Консьержка помолчала и продолжила, - меня Кира попросила за сыночком присмотреть, пока она бегала в поликлинику. Я не могла ей отказать, пришлось покинуть пост.

- Холодно, - клячая зубами, сказала Ритка.

- Поднимайся с пола, давай я тебе помогу.

Рита только сейчас поняла, что как пришла из аптеки в пальто, так в нем и сидит на кафельном полу. Несмотря на теплую одежду, ее трясло от холода. С помощью Веры Петровны она поднялась на ноги и покинула ванную, где находилось тело Клары Артуровны.

- Надо, наверное, куда-то сообщить.

- В полицию, - подсказала резвая консьержка. – Я уже позвонила. Пойдем в спальню, полежишь до их приезда.

- Я не хочу лежать, я хочу пить.

- Сейчас я принесу тебе воды.

- Я сама. – Марго хотела попасть на кухню, где на столе лежала упаковка снотворного. Не нужно, чтобы полицейские ее заметили и начали задавать вопросы. – Вера Петровна, вы пока идите на пост, встречайте полицейских и ведете сюда.

- Хорошо, - согласилась женщина. Направилась к выходу, по пути поинтересовалась, - ты точно без меня справишься?

- Не волнуйтесь, мне уже лучше.

Полицейские приехали быстро. Маргарита успела снять верхнюю одежду, на ходу подумала, а где пальто Клары и ее сумка – не могла она разгуливать по улицам налегке, тем более без сумки. Все сумки у нее были здоровенными баулами, в которых находилась масса нужных и ненужных вещей. Еще Рита успела спрятать снотворное в коробку с лекарствами – может, оно там давно лежит, а не куплено сегодня, успела позвонить мужу и выпить воды. Леонтий не стал задавать лишних вопросов, только спросил:

- Рита, ты как?

- Нормально, - проскрипела она совсем ненормальным голосом.

- Я скоро буду. По дороге позвоню отцу.

Только когда по лестнице раздались громкие шаги, девушка вспомнила о предсмертной записке. Записки на полу у ванны не было.

- Странно, - протянула она, и пошла открывать дверь...

Сначала Вера Петровна рассказала то же самое, что рассказывала Рите. Потом сама Рита заявила, что с утра у нее сильно разболелась голова. Она хотела принять ванну, уже наполнила ее, но потом все-таки побежала в аптеку, купить таблетки от головной боли, в ее домашней аптечке таких таблеток не оказалось. Отсутствовала минут тридцать – в аптеке была очередь. Когда вернулась, обнаружила в собственной ванне тело мачехи своего мужа.

- Она предупреждала о своем визите?

- Нет, конечно. Клара Артуровна, вообще, редко приходила к нам в гости. Только на дни рождения и только в сопровождении моего свекра.

При этих словах Вера Петровна встrepенулась и подозрительно покосилась на жилищу со второго этажа. Но ничего не сказала.

Полицейский спросил об отношениях ее мужа и мачехи, мачехи и свекра.

- Не было никаких отношений у моего мужа и Клары. Они сами по себе, мы сами по себе. Говорю же - виделись только по праздникам. На день рождения свекра нас приглашали, на день рождения Клары – никогда. При нас они вели себя, как два голубка, называли друг друга умильными именами. Что было на самом деле, мне неведомо.

В квартиру зашел быстрым шагом хозяин. Он был непривычно растрепан и напуган. Не мудрено - не каждый день в его ванне обнаруживают трупы. Леонтий назвал себя, полицейский собрался приступить к допросу, но Вера

Петровна опомнилась и протянула записку, набранную рукой Маргариты. Записка все время находилась в кармане теплой вязаной кофты консержки.

- Что это? – спросил следователь и взял в руки бумагу.

- ЭТО я нашла в прихожей, - страстно доложила Вера Петровна, ткнув пальцем в послание. Благодаря острым длинным ногтям в предсмертной записке образовалось отверстие.

Полицейский долго читал записку, будто в нем была не пара предложений, а написан целый роман.

- Понятно, - облегченно выдохнул он, порадовавшись, что дело можно быстро закрыть.

На кухню, где они сидели, заглянул медик, осматривающий тело.

- Можно увозить. Я закончил, - доложил он следователю. Следователь вскочил и вышел в прихожую. Послышался его голос.

- Что можешь сказать?

- Кроме порезов на запястьях, видимых повреждений на теле нет. Больше скажу после вскрытия. Смерть наступила от силы час назад.

- Тут все ясно: дамочка обиделась на мужа, пришла к его сыну, дома никого не оказалось, увидела наполненную водой ванну, в мозгах что-то переклинило, написала предсмертную записку, нашла лезвие и перерезала себе вены. Ничего нового.

- Если вам все ясно, то и я не буду заморачиваться. У меня отпуск горит. Жена меня поездом съест, если завтра мы не будем стоять в очереди на регистрацию.

- Куда летишь?

- В Таиланд.

- Хорошо живешь.

- Не жалуюсь...

Тело увезли, следственная бригада укатила. И сразу в дверях выросла долговязая фигура старшего Шмакова. Он был бледен и едва держался на ногах. Для начала его опоили успокоительным, потом сдержанно пересказали, что случилось. О записке все дружно умолчали.

Вера Петровна опомнилась, что ей нужно вернуться на пост. Когда Рита проводила ее до двери, она прошептала ей на ухо.

- Почему ты не призналась, что Клара была у вас частым гостем?
- Поэтому вы на меня так подозрительно посмотрели, когда я сказала о считанных встречах? Но мы, правда, с ней редко виделись.
- Так я и поверила, - пробубнила консьержка. – Не пойму, зачем скрывать? Ну, приходила, что с того. Я своими глазами ее видела день-через день.
- Да? – вскинула брови каштановая красотка. – Вы ничего не путаете?
- Скажешь, она приходила к кому-то другому?

Рита не нашлась с ответом.

- Хорошо, пусть не к вам, тогда к кому? - Девушка пожала плечами. – И записка эта... на пороге... Ты веришь, что такие женщины, как Клара, могут от обиды на мужа покончить жизнь самоубийством?
- Почему, нет?
- Да, потому, что ТАКИЕ женщины в отместку за обиду сами расправятся с обидчиком. Причем таким изощренным способом, что комар носа не подточит.
- Откуда вы ее успели так хорошо узнать? – задала резонный вопрос Марго.
- Она меня такими «комплиментами» одаривали при каждом своем визите, что я дар речи теряла. А ты знаешь, я тоже не подарок, за словом в карман не лезу.
- Почему вы мне никогда не рассказывали о ее визитах?
- Много чести о ней разговаривать! – привела шаткий аргумент Вера Петровна.

- Неужели вы не догадались, что Клара ходит к кому-то другому, не к нам?
- Мне такая мысль в голову приходила. И знаешь, почему? Потому что... – Консьержка замялась. – Не хочу забивать тебе голову своими домыслами. Чепуха все это... Одним словом, я решила, что ты соврала полицейским, только не поняла, зачем.
- Я сказала правду - с Кларой мы виделись редко.
- Я тебе верю. Ты девка хорошая, хоть и забитая малость.
- Спасибо, - хмыкнула Марго.
- Так понимаю, что полиция не собирается копаться в этом деле. Тебе тоже все равно?
- В смысле? – Рита не поняла, чего от нее хочет консьержка.
- Вдруг она не сама себе вены перерезала, а постарался тот, к кому она ходила? Как думаешь?
- А записка? – промямлила девушка.
- Липа это, а не предсмертная записка. Кто угодно мог набрать текст, и подкинуть. Вот если бы записка была написана рукой самой Клары, я бы не сомневалась. Именно, записка наводит меня на мысль об убийстве.
- Записка-а-а, - протянула хозяйка квартиры, не зная, какое бы найти объяснение.
- Не всякий человек в ее возрасте умеет работать на компьютере. Лично я не умею даже его включать, а мы с Кларой ровесники.
- Она была старше вас на пять лет.
- Надо же, - удивилась Вера Петровна. – А выглядела гораздо моложе – это я для самоуспокоения о ровесниках сказала... Надо же – на пять лет старше, - с осуждением заметила она. - Знаешь, почему она так молодо выглядела?
- Потому что ухаживала за собой.
- Это да. Но главная причина в вампиризме. Она вампирша, подпитывалась от людей – скажет им гадость, и кайфует от этого, молодеет. Такие люди

живут очень долго. И никогда не будут накладывать на себя руки. Поверь мне, Рита.

- Вера Петровна, что вы такое говорите! – всплеснула руками Шмакова. – Мы с вами не знаем, что послужило толчком к самоубийству. Может, у нее была неизлечимая болезнь, которую она скрывала от всех. Сначала как-то боролась, потом поняла – конец неизбежен. Не захотела превращаться из ухоженной молодо выглядевшей женщины в высохшую старуху, у которой все внутренности поражены опухолью, и перерезала себе вены.

- Молодая, ухоженная, - пробурчала консьержка, игнорируя новую версию. Потому и ухаживала за собой, что имела любовника. Перед твоим свекром ей незачем хвостом вертеть, он ее безумно любил. Видишь, как страдает... Рита, может это он, свекор твой, ее...того, а? Узнал об изменах и расправился.

- И представил все, как самоубийство. От ревности так не убивают. Тем более, в квартире сына, которого боготворят.

- Это да, - кивнула головой всезнающая Вера Петровна. Почти всезнающая, так как не знала, к кому наведывалась любвеобильная, по ее словам, женщина «преклонных» лет.

- Мне кажется, вы догадываетесь, к кому приходила Клара? – задала вопрос в лоб Шмакова. Консьержка отвела глаза. – Ее любовником был Тропинчиков?

- Почему сразу Тропинчиков! – придушенно возмутилась Вера Петровна, чтобы их не услышали на кухне. – Дом многоквартирный, мало ли, кто питал интерес к стареющим дамам, возомнившим себя молоденькими девушками. К тому же твой свекор не бедствует, у него, насколько я знаю, две автостоянки?

- Одна, - ответила Рита, не сообразив, на что намекает женщина.

- Пусть одна, тоже неплохой доход дает. Он для своей женушки, небось, денег не жалеет. А она покупает себе... альфонсов. Кто на нее клюнет без денег.

- Тропинчиков! – заявила зацикленная Марго, желая отомстить консьержке за недобрые слова о мачехе мужа. Пусть они обе не питала к ней нежных чувств, но о покойнике – или никак, или хорошо. Лучше – никак. И ни к чему заниматься самодеятельным расследованием - свекру любящую жену не вернешь, вытаскивать на свет божий грязное белье – только другим на радость. Например, таким, как Вера Петровна. У самой личная жизнь не сложилась, потому чужое счастье, как бельмо на глазу. Никак не хочется поверить в искренность чужих чувств и взаимопонимание. Думает – одно вранье и показуха. И сейчас представилась возможность найти подтверждение своим догадкам.

Упоминание фамилии Тропинчикова не по назначению, причем вторично, не на шутку обидело консьержку. Не сказав больше ни слова, лишь одарив Марго злым взглядом, она удалилась.

Маргарита защелкнула все замки, будто боялась, что еще кто-нибудь к ним нагрянет и лишит себя жизни: прямо не квартира, а место потери всех надежд на лучшее. После чего заглянула на кухню, где, понурив головы, сидели отец и сын. При ее появлении Леонтий поднял голову и вопросительно на нее посмотрел. Она тихо спросила, не нужна ли ее помощь. Муж ответил отрицательно, чем обидел жену - в свое горе ее не пускали, она чужая. Она была временной возлюбленной, давно перестала ее быть, но обладая плохой сообразительностью, продолжает мелькать перед глазами.

Ритке захотелось собрать вещи и отчалить отсюда навсегда. Но прежде чем уйти, надо объяснить с мужем. В теперешнем состоянии он ее точно не поймет. Совладав с несвоевременным желанием, она ушла в спальню и устроилась с ногами в кресле. Привычная поза располагала к размышлениям...

Марго стыдно было признаться даже самой себе, что смерть Клары ее почти не тронула. Жаль было свекра, но жалость была весьма скудной: отец не сильно радовался выбору сына, и невестка это сразу поняла. За два прошедших года его сдержанное недовольство успело превратиться в безразличие. Он видел в ней не невестку, а домработницу, с которой можно

обменяться приветствием и забыть до ухода. Чтобы не злить себя и его, Рита старалась быть незаметной. Отвечала односложно, когда ее о чем-то спрашивали, а остальное время больше молчала. Кларе Артуровне очень хотелось прибить ее к стулу любимым словосочетанием «дура деревенская». Иногда Маргарита загоралась диким желанием встать во весь рост, дерзко вздернуть подбородок и продекламировать что-то эдакое, чего не знает «городская умница». Чтобы у нее челюсть отвисла. Или завести разговор о политике, высказать свое мнение на животрепещущую тему. Пусть не думают, что у нее котелок совсем варит. Варит, варит, причем совсем неплохо. И не только о политике она может говорить. Может поддержать разговор на любую тему. Но боится. Не сказать, что страх ее парализует, но будет так осторожно подбирать слова, так косноязычно выражаться, так долго строить фразы, что о ней не только не изменят мнения, но кое-кто не выдержит и поставит на ней новое клеймо, похлеще «дуры деревенской». Если Леонтий еще не полностью уверен, что ошибся с выбором, но новое заявление окончательно развеет сомнения.

Если хотя бы раз к ней обратились «на равных», девушка раскрылась бы, как цветок, который занесли из холода в теплое место. Один раз такое было, в гостях у давнего приятеля мужа. Его супруга, мать четверых прелестных детей, сразу приняла Марго, как родную. Пока они общались наедине, гостья была раскованной, охотно щебетала, но едва в их идиллию вмешались мужчины, в женском дуэте произошла замена - вместо общительной умной Маргариты Шмаковой появилась «дура деревенская». Неожиданное и быстрое алаверды озадачило хозяйку, она все время поглядывала на гостью, сомневаясь, с этой ли особой она так свободно болтала некоторое время назад. При расставании она расцеловала Марго и сказала Леонтию, что ему очень повезло - не каждому в наше время попадаются такие умные и скромные девушки. А ее супруг добавил: «К тому же красивые!»

Не станет Марго собирать чемоданы и отчаливать в известном направлении. Пусть ей, дуры деревенской, объяснят популярно - разочаровался, ступай-ка, краса-девица умом тронутая, восвояси. И держать тебе путь далекий, ведомый, к родителям твоим в славный град «Волохнянка», где тебе и место...

- Здесь мое место, - пробубнила себе под нос Рита, выбираясь из объятий мягкого удобного кресла, в котором любила читать, когда муж отсутствовал. – И не дура я вовсе. Вот возьму и докажу мужу, что не дура.

Как докажу? – перешла она на мысленное рассуждение. - Найду убийцу Клары. Почему придерживаюсь мнения Веры Петровны, что это было убийство, а не самоубийство? Потому что Клара не из тех людей, кто накладывает на себя руки, зная о тяжелой неизлечимой болезни, она цеплялась бы за соломинку. Мало ли, что я наговорила консьержке. Не хочу ее пускать в чужой огород, мы сами разберемся, кто, зачем и почему. Если любовник - допустим, он существовал на самом деле, а не родился в больном воображении сплетницы-консьержки – отверг притязания стареющей особы, позабывшей о своем возрасте и наличии верного супруга, она, скорее всего, перерезала вены ему, а не себе.

Да, Клара была вздорной особой. В ее годы женщины успевают набраться мудрости - прежде чем что-то сказать, подумают. Клара предпочитала не думать, никого не жалела, «одаривала» всех своим вниманием.

Вздорная особа могла переборщить со своим вниманием настолько, что ее убили. Убили и выдали все, как самоубийство. Убийца хотел избавиться от трупа - подбросить под квартиру пасынка, а дверь его квартиры раз и открылась. Удача! Убийца обошел все комнаты, понял, что квартира пуста, а ванна наполнена водой, на раковине лезвие. Решение родилось мгновенно. Тем более, под руку попала предсмертная записка... Но в этом случае, медик обязан был сообразить, что женщину сначала убили, потом засунули в ванну и перерезали вены. Может, он малоопытен, или все мысли были направлены на предстоящий отпуск, уже мерещился отдых в Таиланде? Следователю тоже не хочется заниматься ерундой. Клара – не мировая знаменитость, не супруга олигарха, не звезда экрана. И ему она никто. И хлопотать за нее никто не будет. О записке свекор все равно узнает, следователь вызовет его на допрос и покажет послание. Что с ним тогда будет?.. Надо пойти и признаться. Так и сказать – самолично написала своему мужу. Хотела тихо уйти из жизни, но... опередила Клара Артуровна. Признаюсь, и на моем браке можно ставить крест. Выход один – уговорить Леонтия поехать к следователю, честно рассказать об отношениях отца и его супруги – мирно-любовных не по годам, и попросить поскорее закрыть дело.

Не посвящать в тонкости отца, далеко немолодого человека, у которого в прошлом году был микроинфаркт. Как бы к нему не относилась, надо сделать все возможное и невозможное, чтобы оградить его от подозрений. Не забыть поведать о вздорном и мстительном характере Клары: она могла себя убить от обиды на какую-то мелочь! Проснулась в отвратительном настроении сегодня утром, муж обронил обычную фразу, которая показалась ей неуважительной, потом изучила в зеркале свое отражение, поняла, что молодость безвозвратно ушла, пройдет совсем немного времени, и мужчины перестанут обращать на нее внимание. Даже муж, безумно влюбленный в нее, стал позволять себе нелюбезные выражения в ее адрес. Обида, осознание надвигающейся старости, грозящее безразличие самого близкого человека – все смешалось в голове. Клара выбежала из дома, отправилась бродить по городу, сама не заметила, как ноги привели ее в дом пасынка. Консьержки на месте не оказалось, жаль – она бы могла переключить внимание на себя, перестроить Клару с минорной волны на мажорную и заставить «повампирствовать», как выразилась Вера Петровна, давая характеристику поведения мачехи Леонтия Шмакова. Вера Петровна тоже не ангел, еще неизвестно, кто бы из этих двух женщин победил на конкурсе ядовитых желчников. В финал они бы точно вышли. Но консьержка отсутствовала на своем привычном месте, Клара поднялась на второй этаж, толкнула незапертую дверь, побродила по квартире, незаметно оказалась в ванне с лезвием в руках... Опомнилась, но поздно было, помочь некому. Если бы я пришла раньше, ее могли спасти...

- Конечно, если в ванне она оказалась по собственной инициативе, а не по чужой воле - убийца погрузил в ванну почти бездыханное тело, - вслух заметила Рита. – Жизнь в теле еле-еле теплилась, иначе судмедэксперт без труда установил, что вены перерезаны уже у трупа... Возникает резонный вопрос – какие манипуляции с женщиной проделал преступник, чтобы она «согласилась» на самоубийство? Точно не задушил... Отравил? Вскрытие легко даст ответ... Если оно будет проведено. Как же сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы – чтобы правду узнать и следствие быстро закрыть?

В одном Рита не сомневалась – под страхом смерти никогда не признается, что записку с намеком на вину мужа написала она. И как, вообще, ей в

голову могла прийти мысль о самоубийстве! Будто бы не дура деревенская, не взбалмошная девица с железными мозгами.

- Марго, с кем ты разговариваешь? – спросил Леонтий, появляясь в спальне.

- Ни с кем, - с явным недовольством ответила жена. Недовольство относилось к себе – незачем рассуждать вслух. Думала, до кухни ее тихий голос не долетит.

- Но я ясно слышал твой голос, - упорствовал муж.

- Найди другую тему для разговора со мной, - посоветовала Рита, причем довольно дерзко, внезапно превратившись из домашней ластящейся кошечки с пантеру. Мягче спросила, - отец ушел?

- Он останется у нас ночевать.

- Ужинать будете?

- Наверное.

- Будете или нет? – дерзнула вторично молодая особа, числившаяся дурой деревенской. Супруг смотрел на нее, как на павлина, который несколько лет прожил в зоопарке, но не соизволил показаться во всей красе, и вдруг раскрыл свой впечатляющий хвост-веер.

- Сама спроси у отца...

Свекор сидел в прежней позе. Ритка спросила совсем не то, что предлагал ей муж.

- Марлен Витальевич, скажите, Клара Артуровна сегодня утром вела себя, как обычно?

Свекор поднял на нее глаза и тоже взглянул, как на капризного павлина. Это лучше, чем неодобрение.

- Рита, не строй из себя детектива, - вступил заботливый сын, сел на свое место и положил руку на плечо отца – выказал поддержку.

- Кларочка жаловалась на ноги, у нее ноги болели второй день. Суставы выкручивало, она себе места не находила.

- Однако вышла на улицу, - вставила Марго. – Кстати, она вам говорила, что собирается к нам?

- Когда я уходил по делам, она лежала на диване с книгой, закутавшись в плед.

- И никуда идти будто бы не собиралась, - договорила невестка. – Но что-то ее выгнало из дома. Или кто-то.

- На что ты намекаешь? - буркнул муж.

- Марлен Витальевич, вы ужинать будете? - задала запоздалый вопрос Рита, игнорируя супруга. – Я мясо натушила, гречневую кашу сварила. Есть салат с крабовыми палочками.

- Я бы только чайку выпил.

Несмотря на постигшее горе, Леонтий поужинал с аппетитом. Впервые за два года хвалил ее стряпню и не смотрел мимо. Свекор молча пил чай с молоком, макая в него сухарик. Невестка постелила ему в гостиной на диване. Прежде чем удалиться, Марлен дотронулся сухими губами до ее щеки, чего никогда не было. Ритка едва наземь не рухнула от подобного проявления чувств.

Да, этот день точно запомнится на всю жизнь, и не только смертью Клары Артуровны – сегодня был день перемен. Пока неизвестно, в какую сторону – отеческий поцелуй еще ничего не значит.

Рите подумалось, что свекор ее задабривает. Не благодарит за заботу, а задабривает. Заботой она его окружала в каждый визит, но благодарностью, похожей на сегодняшнюю, не осчастливливалась.

И если он задабривает, то... его физиономия в пушку. Совсем не понравились ее вопросы, обычные вопросы, не каверзные, без подковырки и двойного подтекста.

- Ритуля, - прошелестел у ее уха старческий голос, - я не смогу заснуть, у тебя нет снотворного?

- Есть, сейчас дам. – Она вытащила из шкафчика пластиковую коробку с ручкой, в которой хранились лекарства. На самом верху лежала упаковка, приобретенная нынче в ближайшей аптеке.

- Откуда у тебя этот препарат? – удивился Леонтий с таким обалдевшим видом, словно распахнул шкаф и увидел в нем мужчину – живую вещь, не предназначенную для хранения в подобных местах. – Ты спишь, как сурок. Только принимаешь горизонтальное положение, тут же засыпаешь.

- Если я закрываю глаза, это не значит, что я засыпаю! И не задавай глупые вопросы. Где, где?! В аптеке купила, потому что была в этом необходимость.

- Действительно, Ленчик, чего ты к девочке прицепился, - заступился за невестку свекор. По ее совету выпил одну таблетку и отправился спать.

- Если что-то понадобится, то будите, - заботливым голосом предложила девушка.

- Я хочу принять душ, - бурчливо проговорил муж, будто жена закрыла ванную на замок и запретила все посещения.

- Дорогу показать?

- Но...

- Я там все вычистила, вылизала, нет никаких... следов...

- Ты... молодец, - только и мог сказать Леонтий и отправился принимать душ. Но по обычаю не задержался там надолго. Рита не успела перемыть посуду, как мускулистая фигура в трусах появилась в кухне.

- Марго, ты идешь спать? - вкрадчиво поинтересовалась мускулистая фигура, приближаясь на опасное расстояние. От близости, от ласкового голоса, от ЕГО особенного запаха, у нее закружилась голова, и почему-то подступили слезы.

Она отошла к окну и, не поворачиваясь в его сторону, переборов слезливость, сухо ответила:

- Мне надо подумать.

Ритка вся напряглась в ожидании короткой убийственной реплики: « А есть чем думать?» Леонтий никогда не говорил ничего такого, но его взгляд часто был красноречивым. Какой у него был взгляд сегодня – в день перемен – девушка не знала, не нашла в себе сил повернуться, но и реплика не прозвучала. Муж пожелал спокойной ночи, сказал, что завтра с утра они с отцом пойдут к следователю. Потоптался некоторое время, наблюдая, как его супруга от созерцания непонятно чего переключилась на копание в ящиках кухонных шкафов, причем делала это с таким задорным увлечением, словно за находку ей сулили заманчивый приз...

Когда Леонтий удалился из кухни, Марго прекратила свои поиски и прислушалась: в квартире повисла нервная тишина, так, по крайней мере, показалось самой хозяйке. На самом деле, тишина была обычной, ночной, никем не нарушаемой. Рита тоже постаралась ее не нарушить, осторожно прокралась в прихожую. Она решила проверить встроенный шкаф на наличие вещей Клары Артуровны: если она умерла по собственной воле, то, войдя в квартиру, где-то оставила верхнюю одежду, если ее убили, то убийца не может быть полным глупцом, чтобы куда-то не запихнуть и одежду, и обувь. Себе он уж точно ее не оставил. Рита успела бросить мимолетный взгляд на то отделение в шкафу, где на вешалках хранились пальто и куртки. Копать глубже не стала – ее шумное усердие может быть замечено мужем. Он пока не спит – под дверью спальни видна полоска света, услышит и поинтересуется, что ей понадобилось в шкафу среди ночи. Объяснять рвением к чистоте в такой трагический момент – убавлять себе положительные очки, которых и без того кот наплакал.

Послониалась между кухней и прихожей, потом не сдержалась и продолжила поиски вещей Клары. Делала всё тихо и осторожно, будто боялась, что с какой-нибудь полки выпрыгнет сама Клара или ее убийца, не успевший вовремя смыться – неожиданно вернулась хозяйка. В голове постоянно вертелась скороговорка «Карл у Клары украл кораллы...» Привязалась, как репей. Девушка пыталась переключиться на что-то другое, и ей это удалось, когда вспомнила о диалоге отца и сына. Сын спросил, как Клара проникла в их квартиру. Услышав его вопрос, Ритка напряглась – придется рассказать, какая она беспечная, забыла закрыть дверной замок,

заходи любой, выноси чужое добро. Но Марлен Витальевич ответил: «Ты забыл, у нас хранятся ключи от твоей квартиры». Не от ИХ с женой квартиры, а от ЕГО квартиры. Ответ свекра девушку покоробил. День перемен не стал тайфуном, не захватил все уголки ее жизни, прошел облегченным ураганом. Но начало положено и то ладно.

Марго выдвинула один из нижних вместительных ящиков и, наконец, обнаружила то, что искала – женскую сумку и легкое воздушное пальто, которое Клара купила по хорошей скидке в «Снежной Королеве» и еще хвастала перед ней. Предлагала примерить, то Рита, естественно, отказалась – пальто мачехи Леонтия было сравнимо с курткой: разница в росте у женщин была сантиметров двадцать. Фигуры были на зависть всем любительницам тортиков – статуэтки, иначе не скажешь. Но Клара Артуровна все равно пыталась уколоть девушку с модельной внешностью: «Посмотрим, как ты будешь выглядеть в мои годы». Теперь ей не придется увидеть Риту в ее пятьдесят семь лет...

Сумка была замотана в пальто. Марго открыла объемную сумку, перебрала разные женские штучки. Среди штучек были две связки ключей, одна – от ИХ с Леонтием квартиры. И это значит, что мачеха проникла сюда беспрепятственно, и Рита автоматически защелкнула замки и забыла об этом. Была погружена предстоящий уход из жизни. И если бы напилась таблеток, то не Клара, а она лежала бы в холодном морге. Ее, а не Клару вскрывал бы патологоанатом.

- Дура деревенская, - в который раз за сегодня, прошептала бывшая Стельмах, нынешняя Шмакова. На этом не успокоилась, - кретинка, идиотка, пустоголовая... «Краса Волохнянки». Только и есть, что красивая внешность. Но с лица воду не пить, мужчине нужна подруга жизни, с которой можно... и поговорить.

Более-менее успокоившись, она задалась вопросом: где обувь самоубийцы? Уселась на пол и заглянула на самую нижнюю полку. Замшевые ботинки, отороченные мехом, спокойно ждали, когда поиски увенчаются успехом. Рита повертела ботинки в руках, внимательно изучила не сильно загрязненную подошву и обнаружила на подошве канцелярскую кнопку, впившуюся в резиновую танкетку. Где она ее поймала? – подумала

девушка. Хотела вытащить кнопку, но передумала. Поставила ботинки обратно на нижнюю полку и собралась вернуться на кухню. Но новая идея охватила ее. Марго набросила курточку и как была, в халатике и в домашних тапках, вышла в гулкий подъездный холл. Холл был огромным, в форме неправильного многоугольника. На площадке располагались пять квартир. Жильцы без стеснения выносили из своего жилья ненужные предметы интерьера, выдавая свое бескультурье за желание приукрасить большой холл. Ритка сама вытащила в общественное место ненужную напольную вешалку, о которую постоянно спотыкалась в собственной прихожей. Иногда что-то вешала на нее, тоже ненужное, делая вид, что вешалка ей чрезвычайно нужна. В холле стоял небольшой столик с одиноким кактусом, обиженным на одиночество и решившим по этой причине погибнуть во свете лет, тумбочка с огромной хрустальной вазой – показателем достатка в советские годы, висели несколько картин. Картины принадлежали одной разведенке лет сорока, которая рассталась с мужем год назад. Муж претендовал на звание великого художника, изредка что-то малевал, но больше жаловался на судьбу и безмерно квасил. Супруга устала терпеть мужа-тунеядца-алкоголика и выставила его из своей собственной квартиры. Тот оставил ей на память свои произведения искусства. Разведенка хотела выбросить произведения, но нашла более изощренное унижение для непризнанного гения – устроила выставку его работ в подъездном холле. Даже не поленилась нанять мастеров для пробивки отверстий для крюков. Рите картины нравились. Несмотря на постоянно-гнетущее настроение, художник писал позитивные полотна.

Сейчас у нее не было времени изучать экспозицию, она загорелась желанием отыскать россыпь канцелярским кнопок. Для начала двинулась пешком на первый этаж. Если игнорировать лифт, то можно миновать будку консьержки. Без сомнения, Вера Павловна дрыхла без задних ног, но Рите не хотелось убедиться в обратном. Лестница была отлично освещена, поэтому поиски велись без проблем. Рита не рассчитывала обнаружить кнопки - у мачехи, действительно, болели ноги, подъемы и спуски по лестнице доставляли ей мучения. Не обнаружив искомого, девушка вернулась на свой этаж. Следующие подъемы обязательно проходят по общественным лоджиям, продуваемыми всеми ветрами, иначе на этаж не попадешь. Поэтому Рита подтянула к горлу молнию на куртке, и вдруг заметила на

своей ненужной напольной вешалке шарфик. Странно, что она его сразу не увидела. От шарфика шел запах Клары – она всегда обливалась туалетной водой «Burberry». Беззастенчиво выпрашивала ее в качестве подарка у пасынка. Поставила дело на поток – обязан был дарить по поводу и без повода, когда во флаконе оставалось меньше половины.

Марго решила, что мачеха случайно обронила шарфик, а кто-то его поднял, как это обычно бывает при обнаружении чужой потери, и повесил на видное место.

Или случайно обронил убийца, когда нес на руках бездыханное легкое тельце! Он знал, что у Клары есть ключ от квартиры пасынка и гениально сообразил оставить тело там, когда заметил из своего окна, как хозяйка отправилась по своим делам. По лестнице можно пронести несколько трупов, никто не заметит – все жильцы презирают пеший подъем, только на лифте, и Рита в их числе, несмотря на здоровые ноги и нежелание сталкиваться с любопытной консьержкой.

Марго не взяла в руки шарф, втянула в себя запах Клары Артуровны, произвольно скривилась и пришла к гениальному выводу, что последним держал его в руках убийца. Вполне вероятно, что шарфик случайно остался в его квартире. Он поздно заметил оплошность, и не нашел ничего лучшего, как повесить его на вешалку в холле подъезда. Ритка осмыслит новую идею позже, сейчас нужно отыскать канцелярские кнопки. Было бы неплохо, если кнопки были рассыпали дорожкой и привели в квартиру убийцы. Девушка была уверена, что Клара подцепила кнопку в подъезде, не на улице. В подъезде лучше, чем в квартире – поквартирный обход ей не по силам. По чужой квартире мачеха не станет ходить обутой, подобное пренебрежение к чужой работе она позволяла себе только у пасынка. Ей никто из хозяев не делал замечания: Леонтию не было дела, Маргарита была пустым местом, безмолвным квартирным привидением, которое мирно существовало с владельцем жилья. Каждый раз мачеха запоздало «вспоминала», что рассекает по чистым полам в обуви разной степени загрязнения, сбрасывала обувь где попало, предоставляя право квартирному приведению безмолвно убирать за ней.

Марго решительно потянула на себя ручку двери на общественную лоджию, которую нужно преодолеть, чтобы попасть на следующий этаж. Ее тотчас «приласкал» холодный мартовский ветер. Она трусцой преодолела лоджию, укрылась в холле третьего этажа и облегченно вздохнула. На третьем этаже тоже были свои «интерьеры», но до их изучения дело не дошло. Освещение оказалось не хуже, чем на их втором, поэтому поиски канцелярских кнопок не осложнились. Едва Ритка приступила к осмотру плиточного покрытия пола, как одна из дверей распахнулась и показалась незнакомая девица. Она ошалело посмотрела на Шмакову, изучающую пол, согнувшись в три погибели.

- Что ты здесь делаешь? – резонно поинтересовалась симпатичная незнакомка в спортивном костюме. Поверх костюма была наброшена джинсовая курточка. В руках она держала сигарету и зажигалку.

- Ищу, - с недовольством ответила Рита.

- Что ищешь? – прицепилась девица.

- Иди, куда шла.

- Не огрызайся, - миролюбиво посоветовала курящая спортсменка, непроизвольно ощупывая взглядом половое покрытие холла.

- А ты не приставай, что хочу, то и делаю!

- Не кричи, жильцов разбудишь... А я тебя знаю.

- А я тебя нет, - автоматически проговорила неожиданно разошедшаяся Ритуля, не забыв, что сегодня день перемен.

- Меня Эммой зовут. А ты Маргарита - бесплатное приложение к Леонтию Шмакову. Я его хорошо знаю – мой старший брат учился с ним в одном классе. Так вышло, что теперь Лёнька живет в одном доме с моим...

- Любовником, - перебила ее Марго, заметив, из какой квартиры вышла девица по имени Эмма. Со злостью перебила. И как не разгневаться, ежели каждая соплячка будет называть ее бесплатным приложением к мужу.

- Сбрендила, что ли? – накинулась на нее девушка. Дернула головой в сторону двери, за которой поживал Тропинчиков, и не задержалась с

пояснением, - я у отца временно поселилась. С матерью вдрызг переругалась. Мы с ней часто ссоримся, тогда я переезжаю к отцу. Потом миримся, и я возвращаюсь. У нас с матерью характеры одинаковые, бунтарские... Так что ты здесь делаешь?

- Люблю по ночам спортом заниматься, чтобы никто не мешал, - «призналась» Марго. На подобную мысль навела одежда новой знакомой.

- Это как?

- Хожу пешком до самого шестнадцатого этажа, потом вниз спускаюсь. Ноги тренирую, лишний вес сгоняю.

- А что на нашем этаже забыла?

- Где-то ключи от квартиры обронила.

Ответ удовлетворил Эмму, хотя, был непродуманным – заниматься восхождением на самый верх можно минуя этажные холлы.

- Давай искать вместе, - предложила помощь дочь Вячеслава Андреевича Тропинчикова.

- Я здесь уже всё посмотрела, пойду выше.

- Я с тобой! – встrepенулась Эмма и окинула Марго придирчивым взглядом, словно прикидывала, может с этим приложением к Леонтию Шмакову идти рядом. С этой душой деревенской в пестром халатике, в курточке непонятного цвета и в теплых истоптанных тапках.

- Что не так? – с вызовом спросила дура деревенская.

- Странно, что ты тренируешься в... такой неподходящей одежде, - пробормотала новая знакомая. – Неужели...

- Я, вообще, странная, - вновь не дослушала до конца Шмакова.

- Не ты странная, а твой Ленечка странный, если позволяет жене носить эти обноски. Твоим халатом хорошо полы в подъезде мыть. А тапочки! Ты их получила в наследство от прабабушки? Они тебе дороги, как память, поэтому ты их затаскала до дыр.

Ритка опустила глаза на свои ноги и впервые увидела, до какой степени заносились любимые тапки. Пригладила рукой свой приятный на ощупь халатик, и неожиданно разревелась.

- Ну, ты чего, - бросилась к ней Эмма. – Прости меня, я не хотела тебя обидеть. Я знаю о смерти мачехи Лени, понятно, что ты переживаешь, а тут еще я со своей критикой.

Ритуля уткнулась девушке в плечо и продолжала завывать.

- Вот я дурында стоеросовая, - наградила себя прозвищем Тропинчикова. – Рита, не реви, перестань, а то я тоже сейчас расплачусь за компанию... Такая красавица, а плачет.

- Я не красавица, - сквозь слезы прогундосила Марго, - раньше была красавицей, даже победила на конкурсе «Краса Волохнянки»... Это там, в «Волохнянке», чувствовала себя человеком, а здесь, в городе, чувствую себя душой деревенской.

- Не наговаривай на себя. Любой девушке нужно за собой следить. И красивой тоже. Только красивой надо прилагать меньше усилий. И одеваться... не в рванье. Вспомни сказку «Морозко», в которой мачеха испортила падчерицу. Замотала ей физиономию тряпкой, измазала сажей. И на кого она стала похожей?

- На дуру деревенскую-ю-ю, - слезливо протянула Ритка.

- Вот зациклилась! Кто тебе эту глупость в голову вбил?

- Сама.

- Так я и поверила! Небось, тоже «добрая» мачеха расстаралась. Не удивлюсь, если она Ленке на уши подсела – про тебя всякие бредни ему болтала.

- И так ясно, что я ему не пара. Ты сама сказала, что я – его бесплатное приложение.

- Язык мой – враг мой. Не обращай внимания на дуру городскую. И докажи всем, что не приложение.

- Вот и пытаюсь, - печально вздохнула Ритуля, вытирая слезы курткой неопределенного цвета.
- Каким же образом? По лестницам по ночам шастаешь? - хмыкнула Эмма.
- Хочу найти убийцу Клары.
- Разве ее... убили? Она не сама...

Когда Марго коротко обрисовала создавшуюся ситуацию, не забыв поделиться самым сокровенным - желаем уйти из жизни по своей воле, за что получила ощутимый подзатыльник от новой подруги, та поддержала ее желание отыскать канцелярские кнопки. Но прежде чем отправиться на поиски, предложила заглянуть к отцу – старожилу дома, который может знать, кто из жильцов имеет высшее техническое образование и на дому что-то изобретает - чертит по-старинке на листе ватмана, пришпиленном к чертежной доске канцелярскими кнопками.

- У меня дед был конструктором, - с придыханием сообщила Эмма, подпихивая Ритку к двери отцовской квартиры. – Я часто у него на работе болталась, когда некому было за мной смотреть. В детский сад категорически отказывалась ходить.

- Я тоже не любила ходить в детский сад, но моего мнения никто не спрашивал. Моя мама – настоящий деспот, - неожиданно призналась Марго.

- Поэтому у тебя заниженная самооценка – тебя постоянно третировали в детстве.. Но Ленька тоже хорош... Если любишь человека, то помоги ему раскрыться. Постоянно говори ему правильные установки – ты лучшая, ты умная, ты красивая. Говорит?

- Нет, - пристыженно призналась молодая жена. – Но я сама виновата.

- И сама тоже! Ходишь бомжа бомжой! Карманных денег мало, только на самое необходимое, на себя, любимую, точно не хватает. Выпросить у мужа боишься – вдруг подумает, что ты транжира. А Ленька такую транжиру за себя взял! – рассмеялась Эмма, вспомнил фразу из мультфильма «Волшебное кольцо», несколько ее переиначив.

- Я не пойду к твоему отцу, - уперлась Рита. – Что я ему скажу! И ночь уже.
- Отец у меня полуночник, засыпает в два не раньше...И не волнуйся, говорить буду я.
- Конечно, разве я могу поддержать разговор.
- Я помню – ты дура деревенская. Предлагаю обеим об этом забыть! Идет? – Марго утвердительно кивнула. – Вот и отлично! Ты у нас красавица, победительница конкурса «Краса Воломинска», это вам не абы что!
- «Волохнянки», – поправила ее Шмакова...

Отец Эммы не смог помочь Маргарите Шмаковой – о жильце с изобретательскими способностями, который проводит дни и ночи напролет у чертежной доски, предварительно прищипывая канцелярскими кнопками лист ватмана, он ничего не знал. Но сказал, что изобретатель, скорее всего, далеко не молод: теперешняя молодежь работает с программами для черчения на компьютере. Об этом Марго знала и без него, но любезно поблагодарила. Догадливый Тропинчиков сразу понял, откуда «растут ноги» у любознательности в неурочное время, начал рассуждать о скоротечности жизни, о превратностях судьбы, медленно переходя на наши доблестные правоохранительные органы, которые способны разобраться, где самоубийство, а где убийство.

- Я тоже так думаю, - поддержала его ночная гостья, выбираясь из глубокого мягкого кресла, окутавшего его такой заботой, что захотелось свернуться в нем клубочком и сладко уснуть. Рита с трудом воздерживалась от зевоты, сворачивающей челюсть.
- Также так думаете, но предпринимаете собственные шаги, чтобы установить истину. И почему этим заняты вы, а не ваш драгоценный муж? Или вы его подозреваете?
- Папик, ты несешь полную чушь! – встряла дочь и успокаивающе похлопала новую подругу по плечу.

- Я никого не подозреваю! – с вызовом произнесла Марго, решив, что Эмма заодно с отцом, потому и выражает свою поддержку похлопываниями.

– И о конструкторе просто так спросили?

- Не просто так! – снова встряла Эмма. – Маргарита хочет поступать в технический вуз и ищет преподавателя, который сможет ее подтянуть по черчению.

- Насколько я знаю, черчение при поступлении в вуз не сдают. В смысле, ЕГЭ по черчению в школе не сдают... Сам черт ногу сломит с этими ЕГЭ! – возмутился мужчина, державший вступительные экзамены в институт по старинке. Быстро охладел к новым методам и набросился на дочь, - Эмма, не вешай мне лапшу на уши!

- И это мой отец! – с печальным вздохом заключила девушка, будто ее родитель выглядел неподобающим образом для встречи гостей или сказал что-то не по теме разговора.

- Что тебя не устраивает? – с хитрой улыбкой заинтересовался Тропинчиков.

Ритка поняла, что милая разборка в ходу у отцов и детей, непостоянно проживающих на одной территории. Чтобы разборка не получила продолжения, ей пришлось ретироваться, извинившись за позднее вторжение.

Вячеслав Андреевич извинил и посоветовал обратиться к Вере Петровне, обозвав ее справочным бюро.

- Еще чего! – ответила за гостью дочь хозяина. – Мы не хотим, чтобы о наших поисках изобретателя с деревянной чертежной доской узнал у... узнали все жильцы дома, - скоренько поправилась она, едва не проболтавшись, что они ищут убийцу мачехи Леонтий Шмакова. Ее отец и без того сообразил что к чему, но тему продолжать не стал, снова взял в руки книгу, которую увлеченно читал перед приходом нежданной гостьи, и мирно попивал чай из большой кружки. Чай давно остыл, книга терпеливо ждала тут же, на диване, где со всеми удобствами устроился мужчина-читатель...

Девушки вышли в подъездный холл и стали шушукаться.

- Рита, что ты хочешь завтра предпринять? – спросила Эмма.

- Хочу поговорить с другой консьержкой, с Ольгой Валентиновной. Вдруг она что-то знает? Если Клара постоянно... к кому-то приходила, то она это подтвердит. Словам Веры Павловны я не очень доверяю. Могла и наговорить на покойную из зависти или из мести. Клара ее частенько прикладывала «комплиментом» по лбу.

- Я с тобой пойду.

- Лучше я поговорю с ней одна, без свидетелей она будет разговорчивей.

- Ладно, но потом мне обо всем расскажешь...

Марго хотела продолжить поиски канцелярских кнопок, но сон совсем ее одолел, едва хватило сил, чтобы спуститься на свой этаж и попасть в квартиру. Бормотание Леонтия, доносившееся из спальни, мгновенно развеяло сонное состояние.

- ...Ты идиот! - сдавленным шепотом выговаривал неизвестному абоненту муж. – Я устал, завтра все обсудим... Я сказал – завтра...

Ритка дала задний ход, переместилась в излюбленное место, в кухню, осушила залпом стакан воды, только после этого опустилась на стул. Мысли рождались самые нехорошие, намеки Тропинчикова получили косвенное подтверждение. Как не хотелось Марго думать об участии в преступлении ее любимого супруга, избавиться от этого ей никак не удавалось. Внезапно ее ударило молнией: Леонтий хотел расправиться с ней, а не с мачехой! Он нанял какого-то отморозка. Тот пришел и сделал свое дело – убил женщину, которая находилась в квартире. Обставил всё, как самоубийство. Не нужно было сильно трудиться – мизансцена была заранее приготовлена самой хозяйкой. Но ошибочка вышла – отправил в мир иной другую женщину. Фотографией жертвы заказчик убийцу не обеспечил, точного описания не дал, потому как не предполагал, что случится подмена. До ее возраста убийце не было никакого дела. Возможно, не знал, кем приходится потенциальная жертва заказчику, а если и знал, то значительной разницей в возрасте сейчас никого не удивишь.

Сидеть на одном месте Маргарита больше не могла, она забегала по кухне, оглядя круглый стол, стоящий посередине, попеременно меняя направление, чтобы не закружилась голова. Голова, действительно, шла кругом от неприятных догадок.

Лучше бы я была душой деревенской, - подумала она, устав от беготни по кругу. Оперлась пальцами в стол, словно собралась сделать важное заявление. Отдышалась, немного пришла в себя и решила собрать вещи... или не собирать вещи, одеться и навсегда испариться из жизни Леонтия Шмакова – злодея, который не нашел в себе сил заявить о расставании, но с легкостью решившего избавиться от надоевшей жены чужими руками.

Марго уже взяла в руки один сапог, чтобы начать «испарение из чужой жизни», но внезапно передумала испаряться. Мне ничего не грозит, - решила она, - в одну воронку снаряд не попадает. Не посмеет Ленька от меня избавиться. Посмеет, но позже, не сейчас. Значит, у меня есть время, чтобы вывести его на чистую воду... Или найти подтверждение его непричастности к убийству... Может, я делаю из мухи слона – не было никакого убийства? Клара сама перерезала себе вены и умерла от потери крови.

Самоубийство никак не вписывалось в характер Клары Артуровны. Кто угодно, только не она, - уверенно подумала Рита, оставив без внимания тот факт, что плохо знала мачеху мужа, а то малое, что о ней знала, подталкивало к мысли, что Клара долго напрашивалась и, наконец, напросилась.

Конечно, если убийца не перепутал ее с хозяйкой, на которую был сделан заказ...

Утром невыспавшаяся и плохо соображавшая Марго накормила завтраком мужа и свекра, сама выпила чашку кофе, с трудом борясь с тошнотой. У нее всегда так – от переживаний пропадает аппетит, и начинает мутить. Чтобы справиться с недомоганием, начала тянуть минералку из высокого стакана.

- Ты неважно выглядишь, - с сочувствием сказал Леонтий и хотел поцеловать ее в щеку, но она отпрянула и заявила:

- Не надо показательных выступлений! – Уловив непонимание, пояснила, - не надо показывать отцу несуществующую идиллию. Старший Шмаков был погружен в себя, не отдавая отчета своим действиям, уплетал шестой сырник, чем доводил невестку до иступления: чужое обжорство, пусть и под действием легкого безумия, пыталось вытолкнуть наружу выпитый кофе.

- Почему же несуществующую? – с обидой произнес Леонтий.

Жена не собиралась углубляться в отношения, давно давшие трещину. Вот-вот семейный корабль собирался пойти ко дну. Только усилия человека, исполняющего обязанности постоянного вахтенного матроса и кока, удерживали пробитую посудину на плаву. Смерть Клары заставила задуматься и осознать бессмысленность борьбы. Если один из двух членов экипажа, имеющий... более веский голос, против, то жалкий голос «за» ничего не решает. Бессмысленно заставлять кого-то что-то делать вопреки его желанию. И унижительно для требующего, который заискивает, подкупает упертого человека любыми средствами, включая пренебрежение своими принципами.

Ритке захотелось всплакнуть. И чтобы ее пожалели, заверили, что всё обойдется, все недоразумения исчезнут сами по себе, без долгих выяснений и обвинений. Просто сейчас такое сложное время, причина элементарна, впрочем, как у всех мужчин – проблемы на работе. Но он справится. Благодаря своему надежному тылу, который все понимает, не задает ненужных вопросов, пытается затмить неудачно сложившийся день своим умением «перетянуть одеяло на себя».

Слезы застили глаза, Марго испугалась, что муж заметит и подумает, что она ведет себя, как все женщины, дуры по жизни – ревет по поводу и без повода, лишь бы добиться своего или переложить свою оплошность на другие плечи. Но мужу не было дела до ее слез. Он смотрел мимо нее, словно она была стеклянной. Ритуля не сдержалась и повернула голову, чтобы оценить пространство, находящееся за «стеклом». В пространство уместился холодильник. На холодильнике лежала шляпка. Элегантная шляпка не из итальянской соломки, то тоже с миленьким цветком весьма похожим на мак.

- Это... шляпка... ЕЁ? – тихо спросила Марго, кося глазом на свекра, раздумывающего над сложной проблемой поглощения очередного сырника, какого по счету, хозяйка сбилась.

- Не твоя же, - бросил муж, сразу дав понять, что только дуры деревенские задают глупые вопросы, и только у дур деревенских нет подобных головных уборов.

- Можно разговаривать со мной нормальным голосом?! – взвилась Рита, чем уберегла старшего Шмакова от несварения желудка. – Если ты не забыл, я твоя жена, а не побирושка на улице, клянчащая подаяние.

- Надо же, - удивленно протянул объевшийся Марлен Витальевич. Фразу не закончил, но и так было ясно – хотел сказать, что ОНО еще и разговаривает!

- Ты точно... не в себе, - промямлил Леонтий, выбираясь из стола и подходя к холодильнику. Пока его отец внимательно изучал «ОНО», сидящее напротив со стаканом минералки в руках, незаметно слямзил фетровую шляпку и сунул на подоконник, за портьеру. – Потом спрячь куда-нибудь, чтобы на глаза... кое-кому не попадалась.

- Кое-кому это кому? – прицепилась Марго, окончательно доказавшая, что она не в себе. Леня пошевелил бровями, и подергал головой, как припадочный, в направлении своего отца, который подставил под подбородок кулак и продолжал фотографировать невестку необычайной красоты. По крайней мере, в его глазах засветился восторг, сменив привычное презрение. – Ладно, уберу, - согласилась она, чувствуя неудобство от чужого чрезмерного внимания, так ей непривычного. Мысленно себя похвалила за смену имиджа. До коренных перемен было еще так далеко, как от Пекина до Москвы, но с халатиком, который был жестко раскритикован Эммой Тропинчиковой, она рассталась навсегда. Нацепила джинсы и майку в обlipку, чтобы подчеркнуть красивую грудь. Грудь муж не оценил, даже не заметил перемен. Но Рита старалась не для него, для себя. Обманывалась, наверное.

- Мы с отцом идем к следователю, - сообщил ей Леонтий, позабыв, что накануне говорил о своих первоочередных планах на сегодняшний день. –

Узнаем, что да как... Если вскрытие провели, установили причину смерти, то... можно заниматься устройством похорон.

- Леонтий, у тебя все нормально на работе? – не удержалась Рита от вопроса, проделавшего дыру в ее глупой голове.

- Почему тебя волнуют мои служебные дела?

- В последнее время ты чем-то озабочен, вздыхаешь во сне, ворочаешься.

- Странно, что тебя это волнует. Мне казалось, я для тебя всего лишь банкомат для выдачи наличности.

- Это что-то новенькое, - опешила супруга. Хотела прийти в себя проверенным на других способом – полить на голову из стакана, но вовремя опомнилась. – Не думала, что ты считаешь каждую копейку.

- Не считай меня скрягой. Я просто хочу понять, куда утекают деньги. На себя ты не тратишь, еду из ресторанов не заказываешь, готовишь сама, продукты покупаешь на рынке, чтобы дешевле было.

- Я стараюсь экономить, чтобы ты не подумал, будто я транжира.

- Именно, это я и подумал.

- Значит, то небольшое, что я расходую, для тебя это бешеные деньги! Тогда давай перейдем на каши третьего сорта, не будем покупать тебе новые вещи и обувь.

- Мне не будем, а кому будем? – загадочно произнес супруг, ощупывая в очередной раз взглядом пространство кухни, словно пытался обнаружить еще одну вещь из гардероба Клары Артуровны. Удивительно, что в пылу вчерашних трагических событий они не заметили шляпку, слившуюся с пейзажем – и холодильник, и головной убор были цвета слоновой кости.

- Я тебя не понимаю, - призналась дура деревенская.

- Я тебя давно перестал понимать... Еще не верил людям...

- Каким людям? Что тебе обо мне наговорили?

- Сейчас не время заниматься выяснением личных отношений.

- За два совместно прожитых года мы ни разу не поговорили откровенно. Живем как чужие.

- Это не моя вина!

- Почему же! Конечно, я...

- Нам пора, - не дослушал Леонтий. – Отец, ты меня слышишь?

- Да-да.

Стоя на пороге, Леонтий вспомнил, что забыл мобильный телефон. Для проверки похлопал себя по всем карманам, после чего попросил жену поискать телефон в спальне.

Конечно, в спальне, где же ему еще быть, - про себя возмутилась Маргарита. О ночном звонке «идиота» она ни на минуту не забывала, но лишнее напоминание её взбесило. Сверкнув глазами и озадачив тем самым супруга, она двинулась в сторону спальни – места, где ведутся тайные переговоры, за ее спиной, между прочим. На то они и тайные, чтобы их скрывать. А если бы она в это время спокойно почивала в своей кровати? Ее разбудил бы неожиданный звонок, она не преминула бы спросить, кому это неймется?! Неужели нельзя подождать до утра?! Интересно, что бы ответил дражайший супруг? Супруг, «заказавший» свою тихую женушку. Скорее всего, Леня сам позвонил преступнику, пока она отсутствовала. Не поленился встать с кровати, обошел квартиру, и когда понял, что жена где-то шатается, созвонился с исполнителем, уединившись в спальне.

Когда трясущаяся от страха Маргарита занимала свою половину на кровати, Леонтий делал вид, что спит богатырским сном. Даже неестественно храпел так, что приходила в резонанс ваза, стоящая на комод. Его неудалое актерство немного понизило уровень страха жертвы, получившей некоторую отсрочку.

Представляю, как он расстроился, когда узнал, кого убийца отправил на тот свет! – подумала Рита, едва не рассмеявшись нервным смехом. – Теперь придется меня терпеть как минимум год, пока страсти не улягутся. А потом меня... собьет машина, например. Или вдруг умру от сердечного приступа. Я девушка впечатлительная, испугаюсь... чудища за окном и каюк!

- Рита, ты скоро?! – закричал из прихожей муж-заказчик.

- Я ищу телефон! – громко ответила жена, напряженно изучая издали мобильник, лежавший на прикроватной тумбочке, словно это был не мобильник, а взрывное устройство, на котором отсчитывались последние минуты ее жизни.

- Он на тумбочке! Давай быстрее, - начал нервничать Леонтий. – Отец, ты обуваешься уже полчаса! – Набросился он на следующую жертву. Отец что-то пробормотал в ответ, Ритка не расслышала.

Ей в голову пришла идея, сравнимая с гениальной – очень хочется жить! И чтобы выжить в этой сложной напряженной обстановке, надо нанести ответный удар – перекупить исполнителя! Деньги для него она найдет, займет у Эммы. Прежнее желание мирно расстаться с мужем, было забыто.

Марго быстро нашла номер телефона, на который звонил Шмаков в 00:17, схватила шариковую ручку и нацарапала номер себе на ладони - не стала впопыхах искать лист бумаги. Тем более, по прихожей раздались приближающие шаги. Вручила потерю мужу и услужливо распахнула входную дверь, чтобы выпроводить обоих Шмаковых из квартиры. И тут же вскрикнула от неожиданности – на пороге застыла Эмма Тропинчикова с поднятой вверх рукой. Видимо, собиралась нажимать кнопку звонка.

- Доброе утро! – поприветствовала всех сразу нежданная гостья и без приглашения протиснулась между хозяином и его отцом в прихожую.

- Привет, - обрадованно ответила Рита и познакомила мужчин со своей новой подругой.

- Мы знакомы, - вразной ответили Леонтий и Эмма.

- Ну, мы пошли, - напряженным голосом сообщил хозяин квартиры и неодобрительно посмотрел на жену.

- Пока, пока, - рассеянно произнесла та и, наконец, закрыла за мужчинами дверь. – Фу-х-х, - выдохнула она и провела тыльной стороной ладони по лбу, как это всегда делают после тяжелого физического труда.

- Что это у тебя? – заинтересовалась Эмма, заметив криво написанный на ладони номер телефона.
- Цифры, - нашла разумный ответ Марго.
- Вижу, что цифры. Чей это номер?
- Одного человека!
- Хорошо поговорили, - засопела подруга. – Почему ты такая бледная?! Краше в гроб кладут... Ой, прости, неудачное сравнение. Вы что, поцапались с мужем? Не беда, помиритесь, в семейной жизни без острых углов никак, - пофилософствовала девушка, ни разу не сходявшая замуж. - Ты уже разговаривала с Ольгой Валентиновной?
- Не успела, ждала, когда Леня с отцом уйдут.
- Пошли вместе. Я не буду мешать, за углом постою.
- Мне надо переодеться.
- Вчера по подъезду в халате ходила и ничего, сегодня по квартире ходишь в нормальной одежде, и вдруг решила переодеться. Неужели в любимый халатик? Он у тебя в качестве парадной одежды?
- Эмма, мне совсем не смешно.
- Все-таки поцапались, переживаешь.
- Мы не цапались, но я, естественно, переживаю – не каждый день в моей ванне трупы плавают. А когда я сильно волнуюсь, нервничаю, то всегда выгляжу, как бледная поганка. Могу за один день сбросить два килограмма, потому что от еды меня воротит. Сколько себя помню, постоянно так происходит.
- А я когда волнуюсь, наоборот, налегаю на сладкое. Могу целый торт слопать.
- По тебе не скажешь – тоненькая, как тростинка.
- Ой, ладно, - отмахнулась Эмма Тропинчикова. – Смотри, какой живот!

- Ага, к спине прирос твой живот, - хмыкнула еще одна обладательница приросшего живота.
- Рита, тебе надо что-то проглотить. Глядишь, здоровый румянец появится, и силы прибавятся, а то выйдешь за порог и потеряешь сознание. Что я с тобой буду делать?
- Возьмешь на руки, отнесешь в ванну и...
- Вот ты дура, - протянула подруга, не желая дослушать до конца.
- Дура деревенская, - поправила ее Марго.
- Достала ты уже со своей дурой деревенской, придумай что-нибудь новенькое. И не стой истуканом, двигай на кухню, я тебя сейчас накормлю... Ох, сырнички! Обожаю сырнички, жаль, только два осталось.
- Почти все сырники умял мой дорогой свекор.
- Надо же, у него на нервной почве разыгрался аппетит! Или умом двинулся. Мозг не подает сигналы желудку о наполнении, потому он ест и ест. Рит, может он, правда, умом тронулся, укукошил свою супругу из ревности, и представил всё, как самоубийство. Записку напечатал, следы уничтожил...
- Эмма, я должна тебе кое в чем признаться, - с трудом двигая сухими губами, сказала Маргарита.
- Только не говорила, что это сделала ты! Тебе не под силу справиться с котенком, не то, что с дамой, пусть и миниатюрной.
- Я о записке. – Рита честно рассказала подруге обо всем и заключила в конце. – Мне даже легче стало. Хорошо, что мы с тобой подружались, а то мне не с кем поделиться, а чувство вины распирает.
- Пусть чувство вины распирает у того, кто это сделал.
- Вот мне тоже кажется, что это не самоубийство. – Рита вытащила с подоконника шляпку и повертела ее перед носом подруги. – Сегодня нашли на холодильнике. Странно, что вчера ее не заметили. А вещи, обувь и сумку я нашла в стенном шкафу, в прихожей.

- Ты мне о вещах ночью уже рассказывала. И о канцелярской кнопке на подошве, - безэмоционально произнесла Эмма. Ее занимало убийство. - Без всяких сомнений, Клару убили. Если я оставляла десять процентов на самоубийство, теперь они улетучились. – Она смотрела на шляпку цвета слоновой кости, словно та умела разговаривать и раскрыла тайну смерти своей хозяйки. - И раз пришло время откровений, я хочу знать, чей это номер. – Она вырвала из Риткиной руки предмет дамского туалета, и ткнула пальцем в цифры на ладонке. Пришлось честно всё рассказать. – Я не верю, что твой муж нанял убийцу! Хоть, убей меня, не верю! – на этот раз эмоционально-убедительно воскликнула Тропинчикова.

- Ты его покрываешь! И откуда вы друг друга знаете?

- Рит, ты сбрендил, что ли?! Я же тебе говорила – Леонтий учился в одном классе с моим двоюродным братом.

- Разве?

- Будто бы нестарая колоша, а памяти совсем нет! - осудительно рявкнула Эмма.

- Про двоюродного речь не шла, - вспомнила нестарая калоша.

- Это так важно?! Оставим в покое моих родственников. Предлагаю следующее – я звоню по этому номеру и... говорю, что открылся новый магазин строительных материалов, и при покупке любых товаров есть шанс получить пятидесятипроцентную скидку.

- А... этот... спросит, откуда у тебя его номер?

- Телефонная компания всем «сливает» номера абонентов, никакой рекламой никого не удивишь.

- Ладно, звони.

- Нет, сначала я приготовлю тебе обалденный омлет, ты такого никогда не пробовала.

- Не хочу, - раскапризничалась Ритуля. – У меня от одних разговоров о еде воротит. Говорю же – переживаю. Сама не знаю, как сырники пожарила.

- Могла не жарить, мужики сделали бы себе бутерброды. Не графья! Разбаловала ты своего муженька, и этот старый козел тоже тебе на шею старается взгромоздиться, - резко заявила Эмма. – Еще не хватало, чтобы он к вам переселился.

- Может, и переселится, - равнодушно сказала Марго, не осуждая подругу за «старого козла», но все же поинтересовалась, - с чего вдруг ты так относишься к моему свекру?

- Заметила, как он на тебя смотрел! Ну, не сволочь, а? У него жена погибла, еще не похоронили, а он косится на молоденьких девушек. Не просто девушек, а на невестку, жену своего единственного сына, с которой сын живет в любви и согласии.

- Ага, в согласии, - хмыкнула Рита. – И в горячей-прегорячей любви, от которой у меня одни ожоги на душе.

- Сама виновата! Вальсируешь перед Ленькой, заискиваешь, за собой не ухаживаешь.

- Оставь меня в покое!

- Не оставлю! Омлет готов, садитесь жрать, пожалуйста! И не криви физиономию, морщины появятся. Это не омлет, это произведение искусства. Вкуснятина, пальчики оближешь.

Пока Маргарита елозила вилкой и ножом по тарелке, Эмма вдохновенно делилась своими соображениями.

- Не буду я говорить об открытии магазина строительных материалов. Бесмысленно! Я скажу этому инкогнито, что скоро состоится презентация нового автомобиля «Фольксваген Пассат».

- И что дальше?

- Сейчас увидишь!

- Эмма, мне надо узнать его фамилию...

Эмма отмахнулась, достала из заднего кармана джинсов свой мобильник и, сверяясь с цифрами на ладони Риты, набрала номер. Ей ответили сразу.

- Здравствуйте, - бархатным голосом обволокла незнакомца Тропинчикова и начала вещать о предстоящей презентации автомобиля немецкого производства. Назвала дату и уточнила, - вы Ираклий Драхмапутров? Нет?! – Эмма в величайшем удивлении подняла брови и зачем-то показала подружке язык, чем напомнила Энштейна. – Значит, у меня в списках какая-то путаница... Конечно, вы тоже есть в списке... Конечно... Да-да... - Она так улыбалась, будто незнакомец мог ее видеть и оценить. – если не сложно, назовите мне свою фамилию, я проверю... Как вы сказали? - Теперь «менеджер автосалона» закатила глаза и закусила губу, чтобы не расхохотаться в голос. Показала пальцем на стакан с остатками минеральной воды, которую пила Рита, потому перевела указательный палец на себя. Сделав большой глоток, едва не подавилась. – Я здесь! – Доложила абоненту.- Та-а-ак, ищу, ищу.... Ярослав Олегович Лукаш-Кувшинов. – Эмма зажала рот ладонью и начала беззвучно закатываться смехом. Ритка огрела ее по мягкому месту кухонным полотенцем, чтобы она взяла себя в руки. – Нашла, нашла! – заверещала девица-весельчак, кое-как совладав с эмоциями. Можно было подумать, что она нашла гриб невероятных размеров и теперь попадет в книгу рекордом Гиннеса. Еще раз повторила дату и время и попрощалась с человеком с необычной фамилией, так ее развеселившей.

Налила доверху воды в стакан и быстро его осушила.

- Ритка, ты слышала – Лукаш-Кувшинов! Умереть, не встать!

- В том-то и дело, что никогда не слышала от мужа, что у него есть такой знакомый. – Веселья подруги она не разделяла, напротив, совсем сникла – муж разговаривал с человеком, ей незнакомым. В связи с чем, можно сразу сделать вывод: это наемный убийца!

Эмма с трудом успокоилась, и то благодаря лицу подруги с печатью трагизма.

- Ритка, не делай скоропалительных выводов! Можно подумать, ты знакома со всеми коллегами Лени, или его друзьями-приятелями.

- Я знаю практически всех. Хотя, я и отказываюсь ходить в гости или на корпоративы, Леонтий всегда тянет меня с собой. У них так принято – все

ходят с женами. Их хозяин – человек высоких моральных принципов, на дух не выносит служебных романов. Мне кажется, Шмаков женился, чтобы получить должность. И выбрал из нескольких зол самое меньшее: не раздражает, есть из рук, непривередливая... Так ему казалось, но он ошибся. Представляешь, сегодня мне заявил, что я трачу много денег!

- Ну, и жмотяра! Никогда бы не подумала, - осудительно покачала головой Эмма. – А с виду не скажешь.

- И еще сказал, что люди ему обо мне что-то напели, он сомневался, а зря... Видимо, теперь не сомневается... И решил... меня... устранить.

- Не болтай ерунды! Он мог с тобой развестись, зачем ему тратиться на наемного убийцу. Он же жмот, каких свет не видывал! Развод стоит гораздо дешевле. Ведь правда?

- Правда, - сразу согласилась Рита, передумав оплакивать свою несчастную женскую долю. – Надо выяснить, кто такой этот Кувшин-Лукашевский.

- Лукаш-Кувшинов, - со страдательной улыбкой поправила Тропинчикова.

- Зря ты ему звонила со своего мобильного, - опомнилась Марго, - теперь он тебя легко вычислит... Надо что-то предпринять!

- У меня этих сим-карт вагон и маленькая тележка – бывший поклонник расстарался. Вчера где-то свой мобильник посеяла, нашла старый, вставила новую симку. Сейчас выброшу ее в мусор. – Эмма обещала, Эмма сделала.

- Предлагаю тебе позвонить двоюродному брату. Они вместе учились с Леонтием, вдруг он знает этого... Лукаша.

- А что? Это мысль! – Сим-карта, нашедшая прибежище в мусорном ведре, временно вернулась на положенное ей место. – Потом выброшу, а сейчас пусть еще раз мне службу сослужит. Другой-то под рукой нет.

Чтобы не мешать разговору брата и сестры, Рита вышла из кухни, набросила теплую кофточку и отправилась на лоджию подышать свежим воздухом. После омлета «пальчики оближешь», ей стало еще хуже...

Эмма появилась на лоджии минут через пять.

- Рита! У меня хорошие новости! Лукаш-Кувшинов учился в одном классе с моим двоюродным братом и с твоим мужем. Был обычным парнем с обычной фамилией Дураков.

- Хм... нашла обычную фамилию.

- Когда женился, взял фамилию жены. С женой прожил недолго, но фамилия так и прижилась. Про Дуракова я от брата слышала, о Лукаш-Кувшинове – ни разу. Брат рассказал, что Дураков – игрок. Все бабки просаживает в подпольных казино, потому жены его долго не выдерживают. Сейчас опять сел на мель, обзванивает всех знакомых, просит займы.

- Леня сам ему звонил. Назвал его идиотом. Это понятно – не впервые одноклассник попадает в подобное положение. И добавил – завтра поговорим. Наверное, даст сколько-то денег. Смотри-ка, не жмот для других, жмот для меня.

- Ты уверена, что Леонтий ему звонил?

- Мне так показалось.

- Сначала убедись, потом говори.

- Эмма, а Дураков мог... пойти на преступление, чтобы заработать хорошие деньги?

- Я сама задала этот вопрос брату. Он ответил, что с годами люди меняются, но Дураков до безумия боится вида крови. Сразу в обморок падает.

- Это аргумент, - убедительно произнесла Рита. – Кажется, у меня мобильник на кухне разрывается.

Звонил Леонтий. Он доложил, что смерть его мачехи наступила в результате потери крови. Никаких повреждений на теле не обнаружено, но следственный комитет пока ведет проверку по факту смерти. Он собирается заниматься похоронами, отца завезет домой, к нему домой.

- Странно, - отреагировала тотчас Эмма, которая хорошо слышала голос Леонтия. – Тетка сама себя убила, а следствие будет вестись.

- Могут привлечь к ответственности моего свекра! Я должна признаться, что предсмертную записку написала я.

- Не спеши, электровеник! Никто не собирается доводить дело до суда. Для вида порасследуют, потом закроют дело. Но они не знают Клару Артуровну. Любой человек, кто хотя бы раз имел «удовольствие» с ней общаться, скажут: такие женщины будут долго идти дорогой жизни. При условии, что их кто-то не остановит. И поэтому мы проведем собственное расследование. Теперь мы точно знаем – хотели убить именно Клару, не тебя. Леонтий не нанимал наемного убийцу. И еще мы полностью уверены, что Клара была без сознания, когда ее погружали в ванну. Иначе остались следы борьбы в твоей ванной, следы на теле потерпевшей. Надо выяснить, что могло привести Клару в бессознательное состояние? Это раз. Второе. Поговорить с консьержкой, с Ольгой Валентиновной. Надеюсь, что она даст наводку на изобретателя, к которому бегала на свидания наша старушка. Лично мне Ольга внушает большее доверие, чем болтушка Вера Петровна...

Девушки спустились на первый этаж по лестнице, что считалось у жильцов дома моветоном, будто это было не обычное перемещение пешим ходом, а хулиганское поведение, выражавшееся в замусоривании лестничных проходов.

Эмма хотела по привычке дождаться лифта, но Рита инстинктивно потащила ее на лестницу. Оказавшись на первом этаже, Тропинчикова зачем-то толкнула плечом входную дверь, расположенную справа от лестницы. Дверь не поддавалась, девушка удовлетворенно кивнула. Далее им следовало повернуть налево, пройти несколько метров по загибающему проходу и, наконец, оказаться пред светлыми очами консьержки. В их доме место для бдительной охраны находилось вдали от входа, но охрану это не тревожило – спасала камера видеонаблюдения, расположенная снаружи. Жильцы дома имели ключи от входной двери, проходящий люд пользовался звонком вызова. Изучив их на экране, консьержка нажимала секретную кнопку, дверь открывалась. Ни у кого не появлялось желание сразу свернуть на лестницу, чтобы не быть опрошенным бдительной консьержкой – к кому идете? Видимо, гости тоже не утруждались с подъемом по лестнице.

Пройдя метра три по проходу, подружки вышли на финишную прямую. В поле зрения попала Ольга Валентиновна. Это была женщина больших объемов, высокого роста, с широкими плечами. Рита про себя называла ее Тумбой. Несмотря на внушительные габариты и колкий взгляд, была она доброжелательной и приветливой. В чужую жизнь не лезла, чем могла, помогала.

Консьержка не занимала своего привычного места за столом, и не отлучилась в комнату отдыха, дверь в которую находилась тут же. Она стояла к девушкам задом и крепила на доске объявлений некое сообщение жильцам. Крепила канцелярскими кнопками. Подружки одновременно остановились и переглянулись. Потом попятились назад, за поворот, чтобы обсудить увиденное. И тут в дверь кто-то призывно позвонил. Девушки заметались: Ритка хотела бежать к лифту, Эмма потянула ее на лестницу. И была права – иначе они бы попали на глаза Ольги Валентиновны. По неизвестной причине им этого совсем не хотелось. Хотя, причина была ясна – они причислили крупногабаритную даму к преступному клану. Недаром, о ней говорили, что в молодости она «тягала штангу». Даже имеет медали на каких-то там соревнованиях. Какая связь между убийством, тяжелой атлетикой и канцелярскими кнопками для крепления объявлений на доске, сыщицы поняли сразу и сразу сделали определенные выводы.

Притаившись на лестнице, они отчетливо слышали, как раздался зуммер, входная дверь открылась, кто-то невидимый проник внутрь дома. Эмма знаками показала Марго следовать за ней. Они вторично преодолели три метра до плавного поворота к финишной прямой, не успели выглянуть, как услышали диалог.

- Что это ты в дверь звонишь? – спросила у пришельца Ольга Валентиновна. Девушек удивило ее панибратское отношение: она ко всем была уважительно вежлива.

Подружки решили, что она обращается к ребенку или к своей коллеге, Вере Петровне. Но в ответ раздался мужской бас.

- Куда-то подевался ключ от входной двери. Надо новый заказать. Это не вы его случайно приватизировали?

- Зачем мне твой ключ?

- Чтобы быть готовой к моему приходу: заметите меня в камеру видеонаблюдения, и не позволяйте прошмыгнуть на второй этаж, чтобы оттуда подняться к себе на тринадцатый на лифте.

Видимо, мужчина хотел прошмыгнуть к лифту на первом этаже, но консьержка его остановила мягким голосом, назвал его Игорем. Эмма не удержалась и любопытствовала, с кем беседует женщина.

- Этого мужика я знаю. Да, он живет на тринадцатом этаже, - шепотом доложила она так быстро, что подруга поняла лишь окончание. Но ей было все равно, кто вошел в подъезд, и где этот человек проживает.

- Что еще? – с недовольством спросил Игорь. – И не трясите коробкой с кнопками! Чего вы с ними носитесь, как с писаной торбой. Везде рассыпаете! Я уже целый месяц их по всей квартире собираю.

- Тебе полезно, своего рода гимнастика. А то жирком изрядно оброс.

- Хотите поговорить о моей фигуре?

- Ты дурака из себя не строй, и стрелки не переводи. Я свое дело сделала, так уж и ты изволь. Обещал вернуться к жене, так выполняй. – Теперь в женском голосе появилось вкрадчивое предупреждение, не сулившее ничего хорошего.

- Ничего я не обещал, - сварливо заметил мужик. – И с чего вдруг я буду возвращаться к вашей дочери?!

- Потому что она места себе не находит. Любит она тебя.

- Если любит, то не нужно было спать с начальником.

- Не было у них ничего, - на этот раз заискивающе сказала бывшая теща Игоря. – Всего лишь поцеловались. И надо было такому случиться, что ты вошел.

- Ага, нелегкая меня принесла на работу к жене. Хотел бедную уставшую женщину до дома доставить. Думал, пашет, как вол, постоянно задерживается на работе, какие-то отчеты крапает... Ха! Видел я эти отчеты.

- Ты все не так понял.
- Я понял ВСЁ правильно.
- Зря ты так. Вы долго копили на собственное жилье, и что теперь?
- У меня есть собственное жилье, а вашей дочери пусть начальник купит. Не хватало, чтобы я ушел и ей оставил квартиру! Не дождетесь! Я ее обменяю на квартиру в другом районе, чтобы вас не видеть.
- Но по закону...
- Вашей дочери я и квадратного метра не выделю!
- Значит, переезжать собираешься, - с угрозой пробормотала Ольга Валентиновна, забыл о заискивании. – Переедешь, обязательно переедешь. Сначала в СИЗО, потом далеко-далеко. Обещаю посылать тебе передачи.
- Вы о чем?
- Тут вчера женщину убили, - доверительно сообщила бывшая теща, не называя имени убиенной. Тихим голосом сообщила, но молодые особы обладали отличным слухом, поэтому все расслышали и ошарашенно переглянулись: неужели их догадка нашла подтверждение?
- Я же говорила, - торжествующе прошептала Эмма, словно подруга не придерживалась ее мнения. Ритка отмахнулась, дав понять, чтобы та заткнулась – пропустят самое интересное.
- А мне-то что? – отчаянно удивился Игорь. – Еще скажите, что я ее убил! - Видимо, теща утвердительно кивнула, потому он возмутился, - ну, вы даете! Знал, что вы женщина непредсказуемая, а теперь лишний раз в этом убедился.
- Я женщина... нормальная, - с трудом подобрала определение Ольга. – Я со старыми тетками не путаюсь...
- Это правильно, у нас статья имеется...
- Не ерничай!.. Я догадываюсь, зачем тебе нужна эта старая выдра.
- Для любви, конечно, - нагло признался бывший зять.

- Клара за деньги твою любовь покупала! Вот так!

Больше всего подруги боялись, что кто-то придет, Игорь вырвется из цепких лап тещи, и они не услышат продолжения увлекательного разговора.

- О чем вы говорите! Откуда у пенсионерки лишние деньги?! А то вы не знаете, какие нынче пенсии. Вам тоже не хватает, сидите здесь круглосуточно.

- Постыдился бы, у вас с ней разница в возрасте не меньше двадцати лет.

- Что с того? Против любви не попрешь.

- Что ты несешь, Игорь?! Какой любви?! Иссякнет ее денежный источник, и куда твоя любовь денется.

- Не иссякнет... - И вдруг выложил правду, - Клара берет деньги у своего зятя. Как-то он выболтал шифр сейфа, будучи в легком подпитии. Начал со своей великой значимости, закончил признанием шефа и его глубоким к нему уважением. Взаимным уважением. Леонтий в знак признательности, как он сам выразился, забил в шифр дату его рождения. Клара на ус накрутила, навела справки, и нашла доступ к деньгам. Где сейф, она знала – в шкафу, в спальне. Даже жена Леонтия, эта крестьянка Ритка, не знала шифра, а Клара знала. У нее был ключ от их квартиры, она ждала, когда Ритка куда-нибудь уйдет, проникала в их квартиру и брала денежки. Не большие суммы, так по мелочи, но регулярно. А потом еще дула в уши Леньке, что у его бессовестной жены есть любовник, на которого она спускает его деньги. Я спрашивал, зачем ей это? Не станет Ритки, касса закроется. На кого переводить стрелки? А Клара ответила: «Она меня раздражает! И бесит их любовь-морковь! Тоже мне, нашел красу деревенскую!»... Кстати, Клара еще не приходила? - с вызовом спросил Игорь, желая досадить теще. - После вчерашнего инцидента я ее не видел.

- Разве ты ничего не знаешь?

- А что я должен знать? – испуганно промямлил Игорь.

- Так твоя Клара вчера вены себе перерезала.

- Что... сделала?

- Убила себя от безответной любви к тебе прямо в квартире зятя.
- Ольга Валентиновна, вы меня разыгрываете?.. Вчера Клара пришла ко мне. Пожаловалась на недомогание. Я приготовил ей чай. Плеснул немного целебного бальзама, чтобы она расслабилась. Совсем забыл, что на можжевельник у нее сильнейшая аллергия. Причем такая аллергия, что она впадает в бессознательное состояние.
- И ты вызвал меня. Я прибежала к тебе на помощь, хотя, у меня вчера была законный выходной.
- Далеко бежать пришлось – из соседнего дома, - поерничал зять, несмотря на убийственную новость. Только сейчас он догадался, о какой женщине шла речь в начале разговора. Но почему было сказано об убийстве? Или это всего лишь уловка тещи? Ее желание - выдать желаемое за действительное, чтобы зять подставить, если он откажется от вчерашней договоренности.
- Ты мне сказал, что сам не можешь привести ее в чувство, а неотложку вызывать не хочешь – вдруг станут задавать ненужные вопросы. Я перенесла Клару в свою комнату отдыха. Хотела вызвать врача, но она пришла в себя и отправилась на квартиру зятя, хотела там отлежаться. Я уговаривать не стала, вернулась домой. А спустя полчаса мне позвонила моя сменщица и рассказала...
- Это не может быть. Она бы никогда такого не сделала. Она была жизнелюбивой, молодой... Могла дать фору двадцатилетним девушкам... Боже! Я все понял – это вы ее убили! Вы! Думали, что избавитесь от моей любовницы, и я вернусь к жене... Ольга Валентиновна, вы сошли с ума от любви к дочери. Вам лечиться надо.
- Я больше не могла видеть страдания своей доченьки. И теперь, дорогой мой зять...
- Бывший зять...
- Дорогой мой зять, ты примешь свою жену назад. Ты просил меня помочь тебе, я помогла. У нас был уговор - я помогаю тебе, ты сходишься с женой.
- Что-то я не припомню никакого уговора.

- Так я и знала. Ты трепло собачье!
- Если я трепло собачье, то зачем я вам нужен?
- Не мне, моей дочери. Она тебя безумно любит.
- Лучше мне держаться подальше от вашей безумной семейки. И не надо меня пугать! Я легко докажу, что к смерти Клары не имею никакого отношения.
- У тебя еще кто-то есть? И этот кто-то будет твоим алиби?.. Ну, ты даешь! Не успел одну выпроводить, как другая уже на пороге.

Игорь не опроверг и не подтвердил слова бывшей тещи. А теща чем-то загрохотала, возможно, стул опрокинула под аккомпанемент канцелярских кнопок в коробке. Ритке показалось, что в этот момент мужчина должен скривиться, как от съеденной кислятины.

Теща удалила препятствие между нею и упорствующим зятем, придвинулась на опасное близкое расстояние, поэтому заговорила совсем тихо, но с ядовитым предупреждением.

- Значитца так, дорогой зять. Теперь все будет по-моему. Не думай, я не отстану. Если не сойдешься с женой, я тебе тоже вены перережу, расскажу о вашей связи с Klarой, о страстной любви. Ты не мог пережить ее смерть, и тоже ушел из жизни... Какое развитие событий тебя больше устраивает? Лично меня – воссоединение с женой. Но учти – я пойду до конца. Подумаешь, одним трупом больше, одним меньше. Я вошла во вкус. Неужели рассчитывал, что я буду носиться с твоей любовницей, медицинский консилиум созывать? Я ее доволокла до квартиры пасынка, хотела у двери оставить, а дверь возьми и отворись. Гляжу, а дома-то никого нет. Я вещи Клары в шкаф засунула, а ее горемычную - в ванну. Там все, как будто заранее кто-то приготовил. Признаюсь честно – не хотела ее убивать. Но когда увидела наполненную ванну, лезвие на раковине и предсмертную записку, мне словно на ухо кто нашептал: убей ее, убей, всем только лучше станет. И вот... Пришлось... Чуть не ушла с ее шляпкой на голове – очень она мне понравилась. Но это улика! Пришлось забросить шляпку на холодильник.

- Шляпку? Какую шляпку? О чем вы говорите?! Ведь вы убили человека! Вы ЭТО понимаете?!

- И тебя убью, если будешь упираться.

- Хорошо, я на все согласен, - поникшим голосом произнес Игорь. - А вы не бойтесь, что я обо всем расскажу в полиции?

- Кто тебе поверит?! Свидетелей нашего разговора нет!

- Почему же нет! – воскликнула расхрабрившаяся Маргарита, выворачивая из-за угла. – Мы все слышали. Не бойтесь, Игорь, мы с Эммой все подтвердим.

- А я расскажу твоему мужу, что ты ни при чем – ты не воровала деньги из сейфа. Это Клара, - поспешил вставить обрадованный мужчина.

- Что здесь происходит? – раздался голос Леонтия. За криками и выяснениями, никто из присутствующих не слышал, как он вошел в подъезд.

- Вызывай полицию! – неожиданно заверещал Игорь и начал тыкать пальцем в сторону безучастной консьержки, - это она! Это она убила твою мачеху! Она! Она!..

Когда страсти улеглись, и полицейские увезли убийцу Клары Артуровны, Рита пригласила Тропинчикову к себе. Супруг ее поддержал.

- Эмма, не отказывайся. Я рад, что у моей жены появилась подруга. А то она в последнее время совсем загрустила.

- Я сбегая в аптеку, а потом к вам.

- У тебя что-то болит? – забеспокоилась Рита. На удивление, она чувствовала себя превосходно, прошло недомогание, в голове прояснилось, а боль утраты по мачехе так и не появилась. Ритка спрашивала себя, нормально ли это? Все-таки, еще нестарая женщина, пусть и сгусток отрицательных эмоций. Наверное, не нормально, но что-то внутри удерживало ее от волнений. Это что-то поставило барьер переживаниям и принятию глупых решений.

- Я скоро, - крикнула Тропинчикова и помчалась в ту же аптеку, где накануне Марго купала опасный лекарственный препарат.

И если бы не смерть Клары, то она осуществила задуманное...

Видимо, сегодня в аптеке не было покупателей. Эмма вернулась достаточно быстро. Она протянула подруге тест на беременность.

- Зачем мне это?

- Вот ты... дура деревенская, хоть, и «Краса Волгонки».

- «Волохнянки», - поправила на ходу Рита.

Вскоре она появилась на кухне с пунцовым лицом и объявила:

- Леня, у нас будет ребенок!

Леня вначале долго смотрел на нее с недоверием, потом сорвался с места и сграбастал ее в охапку.

- Мавр сделал свое дело, мавр может удалиться, - пробормотала Эмма, тихо прикрывая за собой дверь. – Будто бы не дура, а не сообразила, что скоро станет матерью... Тоже мне, «Краса Волохнянки»...

Октябрь 2015г.